

Эдил КОЖОШИЗИ

КАНДУУ ЖОЛ

***КРОВАВЫЙ ПУТЬ
ИЛИ
ПИР ГИЕН***

(ДЕТЕКТИВНЫЙ РАССКАЗ)

Бишкек – 2011

УДК 821.51
ББК 84 Кu7-4
К 58

Кожошизи Э.

К 58   **Кровавый путь или пир гиен (Детективный рассказ).** Перевод с кыргызского Садырбека Черикова. – Бишкек: «Print Express», 2011. – 104 с.

ISBN 978-9967-26-476-2

Произведение написано в жанре политического детектива. Описанные здесь события, имена героев выдуманные. Возможно, имена действующих политиков, живых или ушедших в мир иной людей могут оказаться созвучными с именами героев произведения, также возможны совпадения описанных событий и фактов с действительными. Если уважаемый читатель заметит подобное, просим сие воспринимать всего лишь как случайность.

К 47002300100-11

УДК 821.51
ББК 84 Кu7-4

ISBN 978-9967-26-476-2

© Кожошизи Э., 2011

КРОВАВЫЙ ПУТЬ

ИЛИ

ПИР ГИЕН

13 марта, пятница

Четыре часа сорок пять минут утра

В райотделе милиции раздался звонок, и неизвестный сообщил о том, что в ущелье Аламудун, чуть выше села Кой-Таш, вдоль дороги горят две машины. Опергруппа во главе со следователем отдела угрозыска срочно выехала к месту события. На место происшествия они прибыли в пять двадцать и начали предварительные следственные действия.

Догорающие машины представляли собой удручающую картину. У джипа марки «Лексус LX 570», от которого остался лишь каркас, догорали внутренности и колеса. Чуть поодаль, со стороны левого переднего колеса «Лексуса», стукнувшийся с ним со стороны водителя ниже подножия «Ауди-100» сгорел наполовину.

В это время к осматривающим место происшествия сотрудникам милиции подошел парень и сказал, что «Ауди» принадлежит ему, а столкновение произошло из-за того, что, спускаясь сверху, он задремал за рулем и тут же ударился в джип. После чего джип будто бы моментально вспыхнул, его окутало едким дымом, и водитель, испугавшись, в страхе выскочил из своей машины. Затем побежал вниз по дороге за помощью к сторожам гостиницы, а те позвонили в милицию. Следователь тут же его арестовал и посадил в свою машину. После чего позвонил дежурному в РОВД и доложил обстановку.

Менее чем через час выяснилось, что догорающий джип принадлежит депутату Жогорку Кенеша Жарышалиеву, и что за день до этого он передал машину бывшему руководителю администрации президента и земляку Медеру Чомое-

вичу Садырбекову для поездки в Алма-Ату. По данным Пограничной службы, «Лексус LX 570» белого цвета действительно 12 марта в два часа дня проехал в Казахстан, затем 13 марта в два тридцать ночи через тот же пограничный и таможенный пост прибыл назад. Дополнительно стало известно, что рядом с Садырбековым находился эксперт по экономическим и политическим вопросам Слепко Сергей Степанович.

13 марта, пятница **Девять часов утра**

Весть о гибели Медера Садырбекова распространился с быстротой молнии. Никто не мог поверить в его смерть, общество гудело как улей, все начали обзванивать друг друга, стали выспрашивать подробности, в воздухе витала атмосфера всеобщего смятения и страха. Возле дома, где жил погибший, и у его последнего офиса начали собираться коллеги. Среди них были депутаты Жогорку Кенеша, госслужащие...

С самого начала тяжеловесной политической деятельности Медера Чомоевича Садырбекова к нему накрепко приклеилась кличка «МЧС», которая, с одной стороны, означала заглавные буквы его инициалов, с другой – ассоциировалась с аббревиатурой соответствующего министерства, призванного оперативно реагировать и устранять последствия природных или техногенных ЧП. В отношении Садырбекова аббревиатура имела удачный политический подтекст. Садырбеков работал и действовал в экстремальных условиях и всегда добивался выгодного разрешения различных конфликтных ситуаций в отношениях властей с оппозицией, только ему одному известными способами выбивал из игры противников политики Белого дома, гасил противостояние в обществе. Посему прозвище «МЧС» ему подходило как ни к кому другому. Не потому ли и предыдущий президент Какаев, и нынешний Кибаев близко держали Садырбекова как испытанного спеца по ЧС в политической борьбе и одинаково продуктивно пользовались его непревзойденными менеджерскими способностями. Все это в конечном итоге привело к небывалому росту влияния МЧС во внутренней и внешней политике, расстановке кадров в стране. За что он удостоился другого, не менее впечатляющего прозвища «серый кар-

динал» Белого дома. С позволения читателей, в дальнейшем мы сочли уместным Медера Садырбекова назвать лаконично «МЧС». С учетом того, что и в политической сфере, и в обществе его хорошо знали по данному прозвищу.

В связи с таинственной смертью Садырбекова интерес вызывает биография нашего героя. Родился он 13 декабря 1953 года. Трудовой путь начал в родном селе рядовым рабочим. В 1977 году, успешно закончив истфак Киргосуниверситета, начал работать преподавателем в мединституте. В 1991 году был приглашен в новообразованный аппарат президента и за четыре года дослужился до заведующего отделом. В 1995 году – аким района, а с 1997 года – директор Государственной налоговой службы. В 1999 году вновь вернулся в администрацию президента и был назначен ее руководителем. Спустя год по неизвестным причинам был отправлен послом в зарубежную страну, где проработал до 2005 года. В 2006 году новый президент Кйбаев приглашает его в Белый дом и назначает руководителем своей администрации. За последние перечисленные три года Садырбеков становится влиятельнейшим в стране политиком, лично участвует в разрешении острейших политических конфликтов и противоборств.

13 марта, пятница Десять часов утра

Появилось сообщение пресс-службы МВД о гибели в результате автокатастрофы бывшего руководителя администрации президента Садырбекова и директора Института стратегических исследований при президенте Слепко.

В то же время найденные внутри джипа «Лексус LX 570» обгоревшие останки трех человек были доставлены в городской морг, и для их опознания были приглашены близкие и родственники покойных. Узнав об этом, стоявшие возле дома и офиса Садырбекова группы людей устремились в городской морг.

Спустя некоторое время в прежнее официальное сообщение о случившемся стали вноситься поправки и дополнения. Первым делом из Интернета были удалены фамилии Садырбекова и Слепко. После чего информация выглядела как обычная хроника о гибели двух неизвестных в результа-

те дорожного ЧП, то есть на месте были обнаружены полностью сгоревшие останки каких-то двух людей, а также найдены полуобгоревшие части тела третьего пассажира злополучного джипа. Таким образом, в глазах непосвященных дело выглядело так, будто речь идет об обычном ДТП со смертельным исходом, какие, в общем-то, случаются каждый день. Очевидным стало то, что кто-то очень влиятельный в сфере СМИ пытается затушевать интерес общества к происшедшему, и с этой целью в прежние первоначальные сообщения вносятся необходимые поправки.

В тот же день президент страны вызвал министра внутренних дел Конкараева и приказал ему досконально расследовать автокатастрофу, завершившуюся гибелью Садырбекова, и также добавил, что контроль за ходом следствия возьмет на себя. В часто передаваемых телесюжетах с участием президента и министра вопрос об иных причинах трагического случая не поднимался.

Министр здравоохранения ограничился сообщением о том, что находящиеся в морге останки погибших должны пройти анализ ДНК, без чего их личности доподлинно установить невозможно.

Глава министерства внутренних дел сообщил о том, что причины автокатастрофы расследуются, виновный в ДТП арестован, и об итогах общественность будет информирована полностью.

Иные настроения витали в народе, люди никак не могли поверить в официальное сообщение о причинах ЧП. Особенно после того, как стало известно, что буквально перед пересечением казахско-кыргызской границы Садырбеков и Слепко позвонили домой, и оба они сообщили, что граница совсем близко, и через некоторое время они будут дома. Об этом было много сообщений электронных СМИ. Водитель «Лексуса» Кубат в телефонном разговоре с женой также сказал, что стоит на границе и скоро должен быть в городе, а как приедет, оставит машину и сразу пойдет домой.

Но как получилось, что спешащие домой путники пересекли границу в 2.30 ночи и вдруг на рассвете, в 5 утра оказались совсем в другой стороне от столицы, в глухом ущелье? И зачем им понадобилось выехать на обочину и остановиться? Где они еще могли быть ночью, в течение

двух с половиной часов? И как получилось, что водитель маленького «ауди» весом в 1200 кг остался жив, а находящиеся внутри огромного «Лексуса» весом более 3 тонн сгорели, даже не сделав попытку выбраться из горящего салона? Хотя двери машины не были заперты? К тому же бензобак джипа остался цел и не взорвался, невредимыми были также маслопроводы. Почему парень-водитель пострадавшего джипа в момент гибели оказался не на своем водительском месте, а рядом с двумя остальными пассажирами?..

Эти и многие другие вопросы мучили, жгли сердца и души родных и близких погибших, не находя сколь либо адекватного ответа. Официальные органы твердо придерживались единственной, озвученной версии автокатастрофы.

Стало известно и то, что Садырбекова и его спутников на погранпосту задерживали более получаса. Как получилось, что еще вчера державшего все ветви власти в железной руке человека без вразумительных объяснений так долго продержали на границе? Разъяснений по этому поводу так и не последовало.

Но, как бы там не было, становилось ясно, что смерть такого авторитетного политика, как Садырбеков, невозможно списать на банальное ДТП, и она таит в себе много неизвестных пока подробностей, которые рано или поздно будут раскрыты и преданы гласности.

13 марта, пятница

Двадцать четыре часа сорок пять минут полуночи

Ряд политических сил в стране выразил сомнение в том, что смерть Садырбекова наступила в результате обычного ДТП, и оценил происшедшее скорее как трагический случай, акт политического террора, так как для официальных властей Садырбеков становился смертельно опасным оппонентом – из-за того, что в последнее время предпринимал реальные усилия для объединения оппозиционно настроенных, конструктивных сил. По их мнению, случившуюся трагедию, в первую очередь, необходимо проанализировать на наличие или отсутствие политической подоплеки. И только после точного установления отсутствия оной было бы правильным расследовать другие версии.

К происшествию большой интерес проявляла международная общественность, информагентства разных стран давали собственную интерпретацию загадочной гибели Садырбекова. Соответственно возросло число политологов и экспертов, проявляющих интерес к происходящему в Кыргызстане, и они всеми силами стремились попасть в республику, чтобы ознакомиться с событиями на месте. Однако официальные власти без объяснения причин закрыли им въезд в Кыргызстан на протяжении 10 лет, а тех, кто уже находился в пути, попросту не пропустили через границу. Этот факт тоже породил массу слухов и усилил сомнения в истинности официальной версии трагедии. А в обществе росла уверенность в том, что высшая власть однозначно боится огласки настоящей подоплеки кровавой драмы с Садырбековым, и правда весьма чревата. Мало кто из местных политиков и околополитических кругов сомневался в том, что имело место преднамеренное и жестокое убийство. А запрет на въезд иностранных политэкспертов, вынуждение их повернуть обратно прямо на границе поколебали последние остатки веры в официальную версию.

Все это привело к тому, что из-за отсутствия правдоподобной информации, из-за массы несоответствий с самого начала следственных действий в народе усилились разного рода слухи и сплетни по поводу происшедшего, одни страшнее других. Строгое указание президента министру внутренних дел Конкаргаеву жестко придерживаться версии автотрагедии и последовавшего за нею несчастного случая с гибелью людей выглядело как специальное, преднамеренное задание. В сумме все эти нестыковки и неуклюжие попытки властей скрыть подлинные причины трагедии лишь усилили подозрения в прямом участии во всем высших представителей власти. Вопросов было много, и каждый из них требовал четкого ответа, которого, к сожалению, получить было невозможно при всем старании. Итак, вопросы:

1. Почему дежурные на погранпосту не были допрошены на предмет более чем получасовой задержки Садыркулова и его спутников? Имели ли право пограничники так долго задерживать имеющих диппаспорта людей?

2. Без жесткого указания сверху пограничники не могли бы долго задерживать машину МЧС. Проверило ли следствие

мобильные телефоны командиров погранпоста? С кем и сколько раз они связывались за последние сутки, особенно в ту злополучную ночь? Установлены ли владельцы тех, других телефонных номеров?

3. Каким образом спешащие домой люди вдруг оказались в противоположной стороне от границы, за Бишкеком, в безлюдном ущелье?

4. Где они были в течение двух с половиной часов с момента пересечения границы и до поджога автомашины, с кем встречались, кто их видел за это время?

5. Установлены ли личности стоявших в ту ночь на посту сотрудников ГАИ? Если учесть, что в настоящее время ночью на всех перекрестках стоят вооруженные автоматами милиционеры, которые полностью досматривают проезжающие авто. На расстоянии в 40-50 км – от границы до места трагедии – в ночное время, по пути погибших должны были встретиться как минимум четыре поста ГАИ, и милиционеры не могли не заметить белый массивный джип «Лексус». Почему дежурившие в ту ночь сотрудники милиции не были допрошены? Это вызвало серьезные подозрения.

6. Известно, что по пути следования «Лексуса» от границы и до места ДТП населенные пункты расположены густо, торговые точки, павильоны работают круглосуточно, всегда многолюдно. К тому же сельские жители отличаются наблюдательностью и цепкостью памяти. Почему не были допрошены торговцы и возможные свидетели в этих населенных пунктах? Подозрительно, что никто из них не допрошен.

7. На автотрассе Алматы-Бишкек круглые сутки интенсивное движение такси и микроавтобусов, а еще в разных местах всегда можно увидеть скопление таксистов, ожидающих клиентов или группками играющих в карты, нарды, замечая при этом все вокруг. Они не могли не заметить внушительный джип «Лексус» белого цвета. Однако опрос курсировавших в ту ночь в обоих направлениях водителей и пассажиров произведен не был, и это тоже вызывает подозрения.

8. В местах столкновения корпусов «Лексуса» и «Ауди» масло- и электропровода и топливные трубки не располагались, бензобаки в этих машинах также расположены сзади.

По словам водителя, у «Ауди» к моменту столкновения оставалось всего лишь 20 литров бензина, которых явно не хватило бы для полного сгорания обеих машин. Почему эти обстоятельства не были приняты во внимание? На основании чего криминалисты сделали свои сомнительные заключения, будто бы пожар возник сразу от вылившегося бензина и распространился от точки соприкосновения двух авто?

9. Почему милиционеры, не дожидаясь полного завершения следственных экспериментов, поспешно увезли останки находившихся в обгоревшем джипе людей? И почему не были проведены соответствующие замеры? Возможно, это было сделано преднамеренно по специальному указанию выше?

10. Элементарные вопросы вызывает и то, что обгоревшие трупы поспешно были подобраны и увезены. Двое из них найдены сидящими с откинутыми головами на заднем сидении, и это видели подошедшие утром люди. Почему тела погибших не были сфотографированы в изначальном положении, исходя из чего можно было бы выяснить действительное положение людей в момент мнимого столкновения и пожара?

11. Непонятным остается и то, каким образом сумел «Ауди» разогнаться с такой силой после поворота, да еще на подъеме, чтобы так ударить огромный «Лексус», чтобы обе машины моментально вспыхнули? Достаточно ли было для этого скорости у «Ауди»? Если учесть, что после столкновения «Лексус» даже с места не сдвинулся?

12. Согласно законам динамики, после того, как легкий «Ауди» со всей силой ударился в трехтонный «Лексус», больше всех должен был пострадать именно водитель первого авто. А на деле он ничуть не пострадал, тогда как находившиеся в джипе будто бы сразу потеряли сознание и даже не сделали попытку спастись? Почему это обстоятельство не взято в расчет при расследовании ДТП?

13. Был ли сделан запрос заводу-изготовителю «Лексус LX 570» на предмет легкой возгораемости их продукции при столкновении? Если да, то каковы мнения специалистов завода? Поскольку остается непонятным, каким образом «Лексус LX 570», считающийся самым безопасным в мире автомобилем, при первом же столкновении вспыхнул как спичка, и как это комментируют его конструкторы?

14. Интересно бы знать, в какой момент ударила «Ауди» стоявший на обочине «Лексус»: когда второй догорал или до этого? Расследовавшие ДТП эксперты на этот вопрос так и не ответили, так как есть большая разница между столкновением с авто с целыми и полными колесами и тем, когда машина стоит со спущенными покрышками и на дисках. В первом случае удар приходится выше, а во втором случае – ниже.

15. Согласно просочившимся сведениям, водитель «Ауди» эту машину неделю назад купил у русского за 3 тысячи долларов. Покупать машину приехали четверо на джипе, трое из которых были крепкого телосложения. Деньги за машину ими были уплачены без торга, после чего эти трое уехали, перестав сопровождать покупателя. В ходе расследования это факт не был уточнен.

16. Водитель «Ауди» во время допроса дал показания о том, что поехал в дом отдыха «Теплые ключи» в поисках своей девушки, а когда один из местных ему сказал, что такой девушки здесь нет, он повернул машину и вернулся назад. Но во время расследования никто не выяснял, действительно ли водитель туда ездил. Хотя, по некоторым сведениям, «Ауди» в вышеназванный дом отдыха вовсе не приезжал. В ту злополучную ночь по той дороге в ущелье ездили многие, возможно, также были регулярно ездившие по этому маршруту. Однако в ходе расследования эти моменты не отразились, и следственные действия проведены не были.

17. Был ли в тот момент у водителя «Ауди» с собой мобильный телефон? Если был, то с кем водитель разговаривал в последние десять дней перед трагедией? Полностью ли были установлены разговоры и контакты водителя «Ауди»? Были ли в кругу его собеседников члены ОПГ или представители спецслужб? Не может быть, чтобы у человека, всего неделю назад купившего за 3 тысячи долларов машину, мобильного не оказалось. Сейчас сотки имеют даже школьники. Следствие умудрилось упустить из виду и это факт.

18. Согласно имеющейся информации, МЧС на погранпосту разговаривал с рядом высших чиновников, выражая недовольство тем, что его держат на границе. Кто были эти люди, уточнили ли их имена через оператора посредством распечатки разговоров? Хотя они должны были давать сви-

детельские показания, на деле содержание их разговоров с МЧС не уточнено. В противном случае были бы выяснены важные детали происшествия.

Как и следовало ожидать, как при оперативно-следственных действиях, так и во время судебного процесса над водителем «Ауди» ответов на вышеперечисленные вопросы не последовало.

Единственным итогом расследования было поспешное лишение свободы сроком на 12 лет водителя «Ауди» Усманова в соответствии со статьей 281 УК «за нарушение правил дорожного движения» и «оставление человека в опасном для жизни состоянии» с запрещением в течение трех лет управлять автотранспортными средствами, с исполнением наказания в колонии-поселении. Выяснилось, что подсудимый ранее был условно осужден за участие в ОПГ сроком на 8 лет с двухлетним испытательным сроком, и по сути вышел сухим из воды. Случайность или же специально было организовано так, чтобы человек со столь сомнительной биографией стал соучастником смерти Садырбекова? Вопиющим выглядело и то, что когда нанятые вдовами Садырбекова и Слепко адвокаты задавали суду вышеприведенные вопросы и настаивали на дополнительном следствии, суд их просьбы не учел и отклонил. Такая однобокость расследования и всего судебного процесса лишь усилила подозрение общественности в объективности проведенного расследования и судебного вердикта.

Другой любопытный факт. Не прошло и недели после гибели МЧС, как президент Кибаяев объявил о досрочных президентских выборах 23 июля текущего года и о своем намерении принять в них участие. Этот факт общественность напрямую связала с внезапной смертью Садырбекова. Поскольку его политическая деятельность за последние месяцы до трагического случая сотрясала власть Кибаяева, и если бы Садырбеков остался жив, то переизбрание Кибаяева стало бы однозначно невозможным. Пошла молва о том, что разрабатывается план форсированного проведения досрочных выборов сразу после смерти главного и опасного конкурента, пока другие политические силы активизироваться не успели.

Смерть МЧС воистину являла собой тайну за семью печатями, и сейчас никто не может сказать, чем завершатся со-

бытия вокруг нее. Нам же остается по крупицам восстановить события той злополучной ночи с 12 на 13 марта, вернуться на 11 часов назад, до катастрофы, побывать рядом с приехавшими к казахско-кыргызской границе на белом «Лексус LX 570» Садырбековым и Слепко и водителем Кубатом, в роли их спутников в последние три часа их жизни. Думается, если мы сумеем угадать их мысли, чаяния и состояние в эти три часа, можно будет раскрыть трагическое происшествие изнутри, ответить на все тревожащие вопросы.

Итак, ночь с 12-го на 13 марта, автотрасса Алматы-Бишкек. По широкой автостраде, шурша шинами, едет с обычной скоростью белый «Лексус LX 570», ничем не выделяясь в потоке движущихся в обоих направлениях других авто.

Ночь с 12 на 13 марта, пятница Сорок пять минут второго ночи

Несмотря на столь поздний час, поток машин на автотрассе Алматы-Бишкек ничуть не редел. Задремавший на подъеме на перевал Кордай Садырбеков проснулся от того, что машина остановилась на границе. И сказал спутнику:

– Приехали, Степаныч, даст Бог, через полчаса дома будем. Возьми паспорт и пошли, пока пройдем паспортный контроль, подышим свежим воздухом.

МЧС два месяца назад уволился со своей должности по собственному желанию. О причинах речь пойдет позже. А сейчас – он возвращается из Алматы после однодневной деловой поездки, настроение у него приподнятое, поскольку дела идут как надо, встретился со всеми, с кем хотел, поговорили обо всем конкретно, и он рад тому, что преследуемая в политическом плане цель близка к осуществлению. Ожидание скорого свершения больших надежд, стоявшие перед ним большие задачи окрыляли его.

– Да, кажется, подъехали, Я позвонил домой и сказал жене, чтобы она меня не ждала, спокойно спала. За Кордаем наши телефоны отключаются, поэтому она беспокоилась, – пробормотал уставшим голосом спутник МЧС, вышел из машины и пошел за ним.

Друг МЧС Сергей Слепко – известный в стране эксперт по экономическим и политическим вопросам руководил Институтом стратегических исследований при президенте.

После отставки МЧС тоже ушел по собственному желанию, передал дела. Сейчас в качестве независимого эксперта готовит новые труды по перспективной стратегии социального и экономического развития Кыргызстана. С МЧС знаком с советских времен. В то время Слепко, партийный работник, тесно соприкасался с творческой и научной интеллигенцией, с преподавателями высших учебных заведений... Именно в те годы познакомился с молодым преподавателем истории Медером Садырбековым, и с тех пор они сотрудничают во многих делах. И в этот раз вместе поехали в Алматы для широкого обсуждения предложений Слепко по региональной экономической политике.

13 марта, пятница

Пятьдесят минут второго ночи

Казахскую погранслужбу и таможеню они прошли быстро, хотя там был большой поток автобусов, легковушек и грузового автотранспорта. При виде дипломатических паспортов пассажиров «Лексуса» казахи пропустили их без досмотра. Таковы международные порядки, согласно которым обладателям диппаспортов всегда и везде дается зеленый свет, и, согласно международным соглашениям и договорам, таким людям гарантирована личная неприкосновенность. Садырбеков позвонил домой, сказал жене, что казахскую границу пересекли, через полчаса будет дома, чтобы она не ложилась спать и подождала его. Мог ли он знать во время разговора с супругой, что его ждет совсем другая участь, что ни через полчаса – никогда дом свой он больше живым не увидит, домой лишь через месяц будут доставлены его неузнаваемо обгоревшие останки, которые без подобающего его рангу официального прощания, под поспешную поминальную молитву молоденького муллы будут быстро погребены. А сейчас у него настроение приподнятое. Перед глазами в который раз прошли картины ожидаемых в скором времени больших и важных политических перемен. В душе его жила надежда на то, что, способствуя переменам, он тем самым с честью выполнит свою миссию и очистит совесть от промахов и ошибок прошлого, от несправедных дел, в которые он сам когда-то был вовлечен по наивности и доверчивости. И

на душе у МЧС стало легко от обуревавших его чувств, что теперь он наконец может действовать открыто и самостоятельно, без оглядки на кого-то.

13 марта, пятница

Пятьдесят две минуты второго ночи

Проехавший казахские погранпост и таможенный пункт «Лексус LX 570» белого цвета тихо подъехал к кыргызскому погранпосту. Никто из пассажиров из машины не выходил, лишь водитель через окошко передал пограничникам документ. Садырбеков в бытность большим руководителем, да и после многократно проезжал через этот пост на разных авто, и проезжал его без задержки, при проверке документов обычно из машины не выходил, ограничиваясь предъявлением личного удостоверения. Но в этот раз пограничник вел себя по-другому. Посмотрев на поданный водителем документ, он кратко скомандовал:

– Всем выйти из машины и пройти в сторону поста, – и с этими словами вернулся назад.

Водитель оглянулся на сидевшего на заднем сидении Садырбекова, затем, высунув голову в окошко, бросил пограничнику:

– Байке, вы что, не знаете, кто в машине едет? Документы ведь в порядке, пропустите.

На пограничника эти слова никакого впечатления не произвели, и он вновь занял свое место у шлагбаума. С той стороны к нему подошли еще четыре-пять человек в военной форме и встали рядом с ним. Водитель вышел из машины, подошел к пограничникам:

– Вы разве не знаете, в машине Садырбеков, едем из Алматы. Завтра у вас будут проблемы, пропустите, мы же предъявили дипломатические паспорта, – обратился он к стоявшему офицеру в чине капитана, хмурому полноватому чернявому человеку с густыми бровями.

– Я не обязан всех знать в лицо. Порядок для всех един. Ведите машину на досмотр, таков приказ. Нам указано досматривать всех. Все пассажиры должны выйти и пройти паспортный контроль, – пробурчал тот и отошел. Затем скомандовал:

– Досмотреть машину!

МЧС из машины выходить не стал, вынул мобильник и сделал несколько попыток дозвониться до высшего начальства пограничников. Не знал он, что, начиная с Алматы, за ними неотступной тенью следовал «БМВ» темного цвета, и находившийся на его заднем сидении человек после того, как проехали Кордайский перевал, позвонил своему хозяину и доложил, что «объект едет в Бишкек, минут через пятнадцать будем на погранпосту». Не ведал МЧС и того, что хозяин в ответ приказал, чтобы «Лексус» на погранпосту задерживали любыми способами до получения особого распоряжения.

Севший на хвост «Лексусу» черный «БМВ» тоже пересек кыргызскую границу и остановился чуть поодаль от погранпоста. Из него вышли двое, в задачу которых входило докладывать о каждом шаге МЧС. Высокий парень крепкого телосложения в черной куртке и такого же цвета кепке подошел к капитану-пограничнику и что-то ему прошептал, после чего тот вынул мобильник и, связавшись с кем-то, стал говорить:

– Алло, это я. Объект на месте, здешние в курсе.

Затем некоторое время выслушивал говорившего на том конце линии связи и несколько раз ответил:

– Есть, есть, будет исполнено.

После чего сел в незаметно стоявший в стороне «БМВ».

13 марта, пятница

Два часа ночи

У МЧС нервы не выдержали. Обычно сдержанный и вежливый, он в это раз крепко выматерил всех по-русски. Было от чего материться, никто из пограничного руководства на связь не выходил, у всех аппараты оказались выключенными.

– Ты смотри, Степаныч, что они делают, видимо, кто-то вознамерился поиздеваться надо мной. И эти мелочные интриганы хотят государством править? Не могу их понять.

Тем временем подошел парень-водитель и сказал:

– Байке, они настаивают на досмотре.

МЧС вышел из машины и пошел к пограничникам:

– Салам алейкум, кто тут командир?

– Вон, стоит у поста, – ответил молодой худощавый прапорщик.

– Позовите его. Что за проблемы? Меня не знаете, я Садырбеков, – сказал он пограницам, здороваясь с каждым из них.

– Товарищ капитан! Вас зовут, – позвал прапорщик командира, указав рукой на МЧС.

Капитан в это время с кем-то невидимым разговаривал по мобильнику, и, отойдя подальше от МЧС, нервно говорил:

– Говорю же, больше получаса задержать не могу. Поймите, кто завтра за это ответит? В случае чего нас сделают крайними. Если у них какие-то взаимные проблемы, пусть сами между собой разбираются, зачем нас подставляют? Хорошо, есть, на полчаса, – завершил капитан разговор, спрятал мобильник в карман и прошмыгнул в пограничную будку.

МЧС тоже слышал последние слова капитана. Пограничники вроде бы поняли, о чем был разговор их командира, им дан приказ без дополнительного указания задерживать белый джип. Кому-то очень нужна была эта получасовая задержка. Но МЧС особого значения словам капитана не придавал и не знал, что сказанное относится непосредственно к нему. Поняв, что командир поста с ним разговаривать не желает, вернулся в джип. Не станет же он ходить за капитаном в его каморку, упрашивать того пропустить. Не ведал он, что ровно через тридцать пять минут вновь и вновь в памяти всплывут обращенные к невидимому собеседнику слова капитана: «Больше получаса задерживать не могу, ...не могу, ...не могу». Но так уж, оказывается, устроен человек, что за текучкой повседневных дел, в суете мирских забот не заметит и не ведает, что однажды нежданно-негаданно оборвется его жизнь. Если бы МЧС в тот момент почувствовал, угадал, что крылось за теми словами капитана, и какая участь его ждет, то сразу бы повернул машину назад, в казахскую сторону и тем самым спас бы себя и своих спутников от кровавой расправы. Тогда бы его дальнейшая судьба пошла бы совсем по другому руслу. Но МЧС особого значения происходящему на посту не придавал, не зная о поджидающей смертельной опасности.

Вот так, имеющий силу в любой точке земного шара дипломатический паспорт Кыргызской Республики в этот раз на родной кыргызской границе не сгодился даже в подметки. И, МЧС, владеющий могущественным диппаспортом,

по закону имеющий право с этим документом пересекать пограничные и таможенные посты беспрепятственно, имевший за плечами весьма крутые руководящие должности фактически вплоть до второго лица в государстве, становится беспомощным на родной границе. Теперь пограничники, до этого каждый раз отдававшие ему честь при пресечении границы в обоих направлениях, готовы досматривать его машину и личные вещи. Что поделать, придется терпеть и подчиниться, так как у него не было возможности связаться ни с одним из руководителей погранслужбы. Еще вчера многие крутые чиновники очень высокого ранга прогибались перед ним, не смея поднять глаза, и ловили каждое его слово. А сегодня рядовые пограничники стали к нему спиной, их командир вовсе не хочет разговаривать с ним, хмуро отвернувшись.

В эти минуты МЧС вспомнил своего однокурсника Абдугаипова, которого он много лет растил и лелеял, доведя до высоких должностей. Тот сейчас председатель Счетной палаты. Была не была, скажу ему – все-таки имеет влияние на всех по бюджету, подумал он. После нескольких гудков раздался голос Абдугаипова:

– Слушаю, Медер Чомоевич.

– Алло, как ты, спишь?

– Еще нет, только что прилег. Слушаю, Медер Чомоевич.

Абдугаипов столь позднему звонку МЧС не удивился. Такое бывало и раньше и много раз. Это был стиль работы МЧС, привыкшего в любое время суток созваниваться с нужными людьми, что-то согласовывать и давать им указания. Подчиненные к этому привыкли.

– Слушай, я возвращаюсь из Алматы, стою на границе. Уже полчаса, как погранцы меня не пропускают, досматривают машину, по мелочам придираются, не знаю, что ищут и чего хотят. Может быть, тебе удастся выйти на пограничное начальство, узнай-ка, в чем дело и чье это указание. С тобой ведь все считаются.

– Хорошо, Медер Чомоевич! Идиоты что ли, они? Не знают, с кем имеют дело? Сейчас всех разыщу, дайте немножко времени, уточню, совсем они оборзели.

После этого МЧС так и не удалось вновь выйти на связь с Абдугаиповым, не было у него такой возможности. После

двух часов пятнадцати минут ночи ни с кем он так и не связался. Таким образом, как бы ни старался выполнить свой долг Абдугаипов перед однокурсником, осталось неизвестным, как и с кем тот разговаривал. Но весть о том, что наутро после трагедии в Аламудунском ущелье он побывал на приеме у президента, распространилась сразу. Видимо, неспроста президент, провожая его к выходу, с наглой фарисейской улыбкой сказал: «Что-то друга твоего стало не видно, почему не заходит? Пусть почаще показывается». Знал президент, что МЧС уже нет в живых, это его обгоревшие останки нашли в том «Лексусе»... Для всех эти слова президента звучали, с одной стороны, как издевательство над Абдугаиповым, с другой – как предупреждение. Возможно, сие возымело действие, но, по крайней мере, Абдугаипов в последний путь своего друга проводил без лишнего шума и скоро. То ли из-за опаски, что во время похорон, не дай Бог, кто-то произнесет лишние слова в адрес властей, то ли еще по какой причине, но траурный митинг тоже не был проведен под предлогом того, что в исламе это не предусмотрено. В обществе догадывались, что скорее всего именно за способность так быстро и без шума провести ритуал прощания с МЧС, Абдугаипов и сохранил свою должность. Ведь жирное место главы Счетной палаты страны во все времена считалось очень лакомым, и охотников до него было очень много.

13 марта, пятница

Десять минут третьего ночи

Двое пограничников с разных сторон досматривали машину МЧС, делали вид, будто что-то ищут. На вопрос: «Что ищете?» коротко ответили: «У нас приказ тщательно досматривать». Водитель неотрывно следил за каждым их движением, как бы те не бросили в салон наркоту или чего другого с целью провокации. Садырбеков и Слепко прохаживались рядом. У Садырбекова внутри все кипело, хотя внешнего вида он не подавал. Но так и не мог понять, кто же все это организовал и с какой целью. Не ведал и того, что все это напрямую связано с его последними политическими усилиями, поездкой в Алматы и состоявшимися там переговорами.

Он подумал, что все это всего лишь мелочные придирки. В мыслях возник образ нынешнего секретаря Совбеза Хамадаева, и сие было отнесено к его мести... Как никак в прошлом году, по заданию президента, МЧС самолично организовал и осуществил его скандальный и позорный уход с поста спикера Жогорку Кенеша.

То событие сегодня уже стало историей. Однажды президент Кибаев специально пригласил МЧС к себе и поделился соображениями о том, что вокруг Хамадаева и бишкекского мэра Арданиева собираются определенные силы, и, что согласно Конституции, в случае, если глава государства по каким-то причинам не сможет выполнять свои обязанности, то вся власть автоматически переходит к Торага парламента. А это его, Кибаева, совсем не устраивает и потому, мол, ситуация тревожная.

– Оба друзья, вместе водку пьют, денег у них достаточно, посему от них можно ожидать всякое, они доверия у меня не вызывают, надо их отстранить от должностей, – поручил президент.

Задание было особое. Целесообразно было не просто уволить эту пару, но и уничтожить их политически, опустить авторитет Хамадаева и Арданиева среди народа. МЧС задание выполнил аккуратно и точно.

На тот момент Хамадаев являлся торага Жогорку Кенеша, борзел, считал себя умнее всех, на других смотрел свысока. В жизни ничего путного не сделал, за исключением того, что язык у него хорошо подвешен, и в большей мере из-за своего красноречия добился хорошей карьеры. Затем, баллотировавшись в родных местах, стал депутатом, после чего стал возвращаться в политических кругах. Видимо, в то время он подружился с бизнесменом-депутатом Арданиевым, от которого ему кое-что перепало, после чего зажил в достатке. После 24 марта вошел в команду нового президента, проработал вначале вице-премьером, затем – госсекретарем. После этого в составе президентской партии вновь стал депутатом парламента, где был избран спикером. Затем затеял чреватый для себя ремонт служебного кабинета с отделкой ореховым капом, на что были растрочены немалые бюджетные деньги. Вопрос хотя и был согласован с президентом, и от него было получено «добро», но при голосовании с депутатским корпу-

сом получился неожиданный облом. По всей видимости, Хамадаев под шумок действительно нужного переустройства спикерских апартаментов в соответствии с международными требованиями задумал часть средств присвоить. Президенту не понравились чересчур большие расходы, и он через МЧС поручил депутатам умерить аппетиты Хамадаева и привести его в чувство.

Вся общественность была в курсе «капового» скандала, постаралось и гостелевидение, вновь и вновь прокручивая подробности спикерских сверхамбиций с евроремонтom собственных апартаментов. В результате пред очи общественности предстал этакий близоруко-хамовитый образ вороватого спикера, не сумевшего видеть дальше носа, балабола-трепака и вообще пустозвона. Хамадаев в последней попытке сохранить лицо попытался было сослаться на президента, с которым вопрос был согласован. Но и это было опровергнуто президентом, позвонившим депутатам и сказавшим, что «никогого согласия он не давал, что этот ремонт – плод хамадаевской самодеятельности». Эти слова Кйбаева были процитированы на сессии парламента, после чего он выглядел в глазах публики полным вруном. Таким образом, в одночасье были сведены на нет плоды его оппозиционной деятельности против предыдущего президента, собранные в основном в силу его пустопорожнего красноречия, и он был с позором смещен с поста Торага. К тому же фамилия Хамадаева не похожа на кыргызскую, поговаривали о его таджикских корнях. Однако никто досконально в этом не разбирался.

Сейчас МЧС похаживал на погранпосту, вспоминая события тех времен. Вместо Хамадаева на пост Торага назначили малоизвестного бизнесмена среднего пошиба Ташсатарова. Явно послушного пай-мальчика, не способного что-либо самостоятельно решать, да это и не нужно было, лишь бы выполнял спущенные из «Белого дома» указания и доводил их до сведения депутатов. Таково было решение президента, что «новый спикер не должен иметь политического авторитета, он должен радоваться тому, что сидит на кресле торага и должен мне ноги целовать». Таким он и получился, спикер Ташсатаров, который и двух слов не может связать, но зато на душе у президента, его детей и братьев спокойно, так как никаких опасений новый торага Жогорку Кенеша у них не вызывает.

После того случая Хамадаев остался без работы, не смог и примкнуть к другим общественным силам, сидел дома. Спустя некоторое время он с помощью посредника сумел выйти на родного брата президента, начальника его Службы охраны, генерала Жакена Самиевича, и, пав перед ним на колени, жалобно промолвил:

– Никогда больше не буду перечить вашей семье, чтобы я собакой стал, если вздумаю перечить, поработаю на вас, как собака буду вам предан.

Так он был назначен секретарем Совета безопасности.

Прожженному хитрому генералу не столь важна была жалкая и унижительная просьба Хамадаева. Таких, как он, лизоблюдов, желающих лишь бы зацепиться за более-менее значимые должности, было полно. Были другие причины нового назначения Хамадаева. Жакену Самиевичу не понравилось растущее в последнее время влияние МЧС в стране. Была бы возможность – отстранил бы его от должности, но ситуация такая, весьма рискованно действовать напрямую. Президент приблизил того к себе, к тому же племян, младший сын президента Вадим тоже сблизился с МЧС и все политические вопросы решает в совете с ним. Исходя из этого, назначив Хамадаева секретарем Совбеза, задумал создать внутри администрации президента силу, противостоящую МЧС. Сам же МЧС, прекрасно видя все это, тем не менее, воспротивиться такому назначению не смог. Еще до того он имел беседу с самим президентом и прямо сказал ему о том, как его братья напрямую вмешиваются во внутреннюю и внешнюю политику государства, что это неправильно и сие добром не кончится. В качестве наглядного доказательства пагубности подобного вмешательства семьи привел пример предыдущего президента. Однако президенту такие слова не понравились, и он, вместо того, чтобы задуматься, наоборот, грубо перебил МЧС:

– Что вы повторяете слова оппозиции! Мои братья и дети делают свое дело в рамках закона, им ведь тоже надо кормить свои семьи, или я их должен обеспечивать?

Но Садырбеков показал президенту документальные и подкрепленные фотографиями и видеозаписью неотразимые свидетельства нехороших дел родных и родственников Кибаяева. Реакция президента была неоднозначная. То ли, наконец, до него дошли истинные масштабы самоуправства

семьи, или же хотел просто успокоить Садырбекова, он вышел из-за своего стола, подошел к МЧС и сказал:

– Пойми меня, Медер. Я ничего с братьями поделывать не могу. Они меня уже не слушают. Лучше помоги мне, будем вместе укреплять власть, сохраним государство. Вот моя русская жена и двое детей творят свою политику, и я им ничего сказать не могу. Что мне делать? Медер, мне нужна твоя помощь, – жалостно, едва не плача, промолвил он.

После того разговора не стало секретом, что отношения между Садырбековым и президентом заметно охладились. Правда и то, что в противостоянии клана родственников и МЧС президент стал крениться в сторону первых. В результате МЧС окончательно убедился в том, что у президента нет возможности полноценно и самостоятельно управлять государством, и до Садырбекова дошло, что Кибаев от влияния братьев и детей не уйдет никогда. Стало совершенно ясно, что в выборе между государственностью и семейственностью Кибаев выбрал вторую. Сожалел, что его надеждам вырвать президента из объятий родственников и вывести его на уровень подлинного государствования сбыться не суждено. Правдой было и то, что после того разговора его противостояние с братом-генералом президента усилилось, а отдельные подробности противостояния успели просочиться в газеты в том смысле, что пришло время президенту выбрать между интересами государства и родственников. После чего в предновогодний вечер в дом МЧС пришла посылка с отрезанными человеческим ухом и пальцем. Хотя МЧС знал, чьих рук это, приводящее в содрогание, дело, гласности его не предал, сохранив в себе.

Весь в невеселых думах, МЧС похаживал возле машины. Хотя своим телохранителям он заранее сказал, чтобы те ждали его за кыргызской таможней, но дальше связаться с ними почему-то не получилось. То же самое случилось и с попытками дозвониться до дома. Подумал, что, наверное, в Бишкеке по обыкновению отключили свет. И хотя от вызывающего отношения пограничников у него внутри все кипело, он виду не подавал, молчал. Возможно, тот же Хамадаев, пользуясь служебным положением, дал указание пограничникам, чтобы те при пересечении границы потрепали ему нервы и вызывающе задержали, подумал МЧС.

А в это время из Бишкека к казахской границе по дороге Бишкек-Алматы на бешеной скорости мчались два черных джипа «Тойода». Внутри машин сидели вооруженные до зубов люди в полной боевой экипировке. Эти джипы были без госномеров, но со спецсигналами, посему другие авто сразу уступали им дорогу.

13 марта, пятница

Пятнадцать минут третьего ночи

Водитель, взяв документы, зашел в пограничную будку. Там сказали, что документы надо пробить через компьютер. В это время спокойно, размеренной чередой проезжали через границу с обеих сторон микроавтобусы, легковушки. В основном это были грузовые авто, их проезд задерживается подольше. Но сегодня особое пристрастие у пограничников почему-то вызвал «Лексус LX 570» белого цвета.

Каждому в какие-то моменты жизни присуще пренебрежение обстоятельствами, рассеянность. Так же и МЧС. Не подозревал он, что с этой минуты судьба его зависит от воли других, и затем – уйдет в холодные объятия смерти. Не ведал, что вся эта пограничная канитель никак не мелочная придирка, а начало большого и губельного для него пути. В то же время внимательному и проникательному человеку по ходу событий было от чего задуматься и насторожиться, но МЧС всем этим пренебрегал. Мог же насторожиться от того, что связь с телохранителями и домом вдруг исчезла. Удивительным и непонятным образом он не придавал значение сим тревожным факторам, тому, что его жизни уже угрожает смертельная опасность. Все это до него начало доходить лишь спустя двадцать с небольшим минут. А по дороге в Бишкек, в течение сорок минут, когда его везли навстречу мучительной смерти, со всей остротой почувствовал эти и другие настораживающие факты и горько сожалел, что вовремя не повернул обратно там, на границе. Но пока оставалось еще двадцать минут до полного осознания трагичности своего положения.

Мчавшиеся из Бишкека два черных джипа подъезжали к казахской границе, лишь мигали маяки на них, внутри салонов безмолвно сидели вооруженные люди, зажав оружие между коленями.

13 марта, пятница
Двадцать минут третьего ночи

Не увенчались успехом попытки МЧС связаться с главными руководителями погранслужбы. Не смог он связаться и с секретарем Совбеза Жуталгыровым. Подумал было связаться с нужными людьми через дежурных в Белом доме, вчера только работавших под его начальством, но потом передумал: не стоит беспокоить людей из-за мелочного, на его взгляд, собственного положения. Не нужна ему нежелательная для его имиджа молва назавтра о том, что Садырбекова пограничники держали на границе и не пропускали. Подумалось, авось, завтра разберусь со всеми.

Прохлада весенней ночи постепенно стала давать знать о себе. Держа в руке мобильник, обращаясь к Слепко, МЧС от души выругался:

– Сволочь с лицом в ишачий пах (имея в виду Хамадаева), погоди, придет время, покажу, как унижать человека. Это только Хамадаева рук дело, поскольку знал, какой тот мстительный мерзкопакостник. Ничего, Степаныч, всех выправим. И наша с тобой в том вина, что государство превращается в большой базар-вокзал. Если не выправим, то история нас не простит, Степаныч, мы в большом долгу.

– Не знаю, Медер Чомоевич, мог ли он напрямую давать команды пограничной службе? По-моему у Хамадаева кишка тонка для таких дел. Может быть, вмешались другие?

– Кто мог вмешаться, кому нужна эта мелочная тягомотина? На такое способна лишь мелочная душа, Степаныч. Но ошибается он, если думает, что от таких мелочных укусов с меня убудет.

Даже осторожные сомнения Слепко не насторожили МЧС, и в душе тревоги не было. Однако он вынужден был задуматься над тем, что ныне суды, прокуратура, спецслужбы, финансовая полиция и милиция целиком оказались под контролем Семьи, и вполне допускал, что брат-генерал президента Жакен Самиевич и старший сын, полковник Кибаев используют правоохранительные органы по своему усмотрению и в личных интересах, отсюда и их приказы, стоящие выше законов. Со всей ясностью представлял, какую смертельную опасность таит в себе слияние правоохранительных органов с криминалитетом и подчинение их усилий личным

интересам одного человека. Вместе с тем, после произошедшей четыре года назад так называемой революции, были предприняты определенные усилия под лозунгом приостановления анархии в стране, укрепления государственного управления, и вроде бы все шло по плану, с добрыми намерениями. Укрепление власти нынешнего президента понималось как усилия, направленные в интересах страны. К сожалению, укрепление президентской ветви власти привело к распространению влияния братьев и сыновей Кибаяева на государственную власть. Силы, способной противостоять этому, не было. Те, кто осмеливался противостоять и перечить, подвергались уголовному преследованию, арестовывались. В конечном счете, вся власть сосредоточилась в руках членов новой Семьи. Что касается официальных органов, те превратились по сути в технический придаток для выполнения любой прихоти членов кибаяевской семьи. Братья и дети делали и творили, что хотели. По иронии судьбы получалось, что МЧС за что боролся, на то и напоролся. Революция, совершенная под лозунгом «Мы – против семейного правления!», завершилась установлением абсолютной власти другой Семьи. Но, удивительное дело, даже приходя к подобному неутешительному заключению, в голову МЧС никак не умещались мысли о том, что, возможно, как раз Семья могла иметь отношение к тому, что сейчас совершалось против него. Никак не подумал он о собственной безопасности.

После вчерашней встречи в Алматы настрой Садырбекова в отношении будущего государственного устройства Кыргызстана был радужным и оптимистичным. Там была обсуждена политическая ситуация в стране с участием личных представителей лиц, имеющих большое влияние в политике Центральной Азии, было отмечено, что проводимая президентом Кибаяевым политика противоречит интересам региона, никакие правила во внутренней и внешней политике не сохраняются, все вопросы решаются в личных интересах преступной группы международного мошенника Терезовского. Личной целью Терезовского было установление финансового и политического господства над странами Центральной Азии. Кстати, эти сведения отнюдь не были секретом. Международная группа того мошенника, в соответствии со своими целями, начала осуществлять чудовищную поли-

тику натравливания соседних стран друг на друга, разжигания разного рода конфликтов между ними. Садырбекову были представлены убедительные доказательства, наглядно свидетельствующие, что младший сын президента Вадим попал в крепкие сети международной банды. Согласно собранным материалам, Вадим был уже объявлен в международный розыск по линии Интерпола, и имелись полные основания арестовать его, поэтому президент Кирбаев из-за опасений за сына готов исполнять любые пожелания группы Терезовского. На встрече было отмечено, что подобная ситуация очень тревожит руководство Казахстана и Узбекистана, так как группа Терезовского в случае захвата ею водно-энергетических ресурсов Кыргызстана могла бы диктовать этим государствам свои условия.

На той встрече для МЧС важнее всего стали переговоры с глазу на глаз с генералом Тайнуриным, имевшим большое влияние в соседнем государстве. МВД, Служба безопасности, армия, а также СМИ, бизнес-структуры целиком находились под его контролем. Из-за близости к президенту его называли также «тенью великого султана». Работая послом на Британских островах, он добился тесных контактов с разведками Великобритании, Соединенных Штатов Америки, Израиля. Во время беседы Тайнурин прямо сказал МЧС:

– Казахи и кыргызы – братские народы. Бог не обделил вас вниманием: у вас несметные богатства, земля ваша притягивает к себе райской красотой и первозданностью природы. Ваш народ как хозяин должен, наконец, пожинать плоды таких сокровищ и жить в достатке. А вы влачите жалкое существование, президент ваш стал зависимым от международных аферистов, природные богатства, электрические станции, сокровища недр уходят в руки иностранных жуликов, таких как Терезовский, и вы все это видите. Мало того, после обладания вашими богатствами эти жулики намерены наложить руку и на Казахстан и Узбекистан, хотят с помощью водных проблем держать нас в зависимости и тем самым влиять на политику наших государств. Для этого они будут в полной мере использовать потенциал Токтогульского, затем строящегося Камбар-Атинского водохранилищ и, таким образом, превратят наши водно-энергетические вопросы в инструмент реализации личных интересов. Но нельзя отдать

им на откуп всю Центральную Азию и сделать из нас послушных рабов. Ваш президент этого понять никак не может, может, и понимает, но из-за зависимого положения своего сына Вадима вынужден преклоняться перед международными жуликами. Проблема эта в будущем может привести к большому конфликту, в регионе возможны даже военные столкновения. Считаю политику вашего президента откровенным подлым вредительством в отношении своего народа. Они до конца так и не могут осознать, что казахи никогда не подчинятся воле международной мафии, будут бороться до конца. Поэтому мы не должны дать аферистам возможность укрепиться в нашем регионе, нам надо действовать сообща и приостановить их вредительскую политику.

МЧС согласился с доводами Тайнурина. Действительно, со всей очевидностью стало ясным, что рост влияния Терезовского приведет к уничтожению независимости страны, а все природные богатства перейдут в его руки. В заключение он заверил, что если все конструктивные силы внутри Кыргызстана в полной мере приступят к выправлению складывающейся опасной ситуации, то подобные же внешние политические силы готовы гарантировать помощь всеми способами. Окрыленный грандиозными перспективами и довольный такой конкретной поддержкой, МЧС стал подробно обдумывать предстоящие шаги, уже чувствовал, как в ближайшее время объединит многие политические течения и прогрессивные силы, соберет их в мощный кулак, и ощутил в себе силу коренным образом изменить ситуацию в стране. Можно будет приостановить пагубную политику властей в Кыргызстане, и имеется полная возможность вызволить страну из паутины международной мафии. Душу пленяла светлая надежда построить такое государство, в котором больше не допустят власть одной семьи, человек почувствует себя свободным, никого и ничего не боясь. МЧС уже представлял сам себя могущественной личностью, приводящей в действие огромную созидающую общественную машину. Наслаждался своим растущим политическим весом, размышлял, что останется в истории как кыргызский Дэн Сяопин.

МЧС представлял, как завтра соберет своих людей, затем направит президенту Обращение с подписями около двадцати депутатов, которое затем опубликуют в СМИ. В Обраще-

нии будет сказано, что партия власти не оправдала надежды и чаяния народа, в стране ведется неправильная экономическая политика, системный кризис усиливается в результате ошибок в управлении страной, и, в случае непринятия экстренных мер, депутаты-подписанты откажутся от своих мандатов. А после предания Обращения гласности, этих депутатов поддержит ряд политических сил. Такой политический ход, намечаемый перед назначенным на конец марта мощным общереспубликанским митингом оппозиционных сил, привел бы к кризису власти, тем самым открыв путь к объединению конструктивных сил с единой целью. В итоге президент вынужден будет идти на решительные политические реформы или же добровольно уйти в отставку. Находясь в плену сладких грез, МЧС не ведал, что ему не суждено будет увидеть завтрашний день, и как только распространится страшная весть о его гибели, те, кто считался надежными депутатами, подобно пугливым кроликам, спрячутся по углам, а вузовский однокашник Айнидинов, ученый-депутат, вроде бы проверенный друг, без зазрения совести перейдет на сторону Кибаяева, и что его, МЧС, будет поддерживать и настойчиво требовать объективного расследования обстоятельств его гибели лишь единственный депутат-женщина Куликина. Таковы превратности судьбы. О, бренный мир...

13 марта, пятница

Двадцать пять минут третьего ночи

Водитель вышел из помещения погранконтроля и подошел к машине. МЧС И Слепко в это время, пройдя паспортную проверку, стояли за шлагбаумом и ждали его. Водитель сел в машину и, проехав пограничную линию, остановился возле пассажиров. МЧС поинтересовался:

– Все нормально, чего они хотели?

– Не знаю, не говорят. Не согласились пропустить быстрее даже за деньги. Видимо, деньги их не интересуют.

– Не в деньгах дело, наверное; был приказ, чтобы потрепать нам нервы. Ничего, скоро у нас будет нормальный порядок, все и всех расставим по местам, время подошло. Дни подобных скрывающихся крыс, за чужой спиной дергающих людей по мелочам, сочтены. И их черед настанет, даль-

ше политическим крысам пощады не будет, из-за них государство пришло в жалкое положение. – МЧС поудобнее уселся на заднем сидении и сказал водителю: – Давай, поехали, дома отдохнем, завтра дел много.

Итак, в два тридцать ночи машина МЧС пересекла границу. На таможенном посту их почему-то не остановили, лишь инспектор спросил, есть ли что-нибудь в багажнике. Водитель показал через стекло документы и быстро проехал шлагбаум.

В этот же момент подъехавшие к погранпосту со стороны Бишкека два черных джипа «Тойода» развернулись и остановились среди стоявших на площадке большегрузов. Потушив внешнее освещение, их пассажиры затаились. Никто из машин не выходил.

13 марта, пятница

Тридцать две минуты третьего ночи

После прохождения постов МЧС обратился к водителю:

– Посмотри – ребята приехали? Их телефоны почему-то молчат.

За погранпунктом на площадке стояли лишь четыре-пять большегрузных авто и еще два джипа, больше ничего не было видно.

– Ребят нет, их машин не заметно, – ответил водитель, осторожно ведя автомобиль.

– Они обязательно должны были ждать здесь, должны были знать, что мы едем.

В этот момент МЧС интуитивно почувствовал непонятную тревогу, и тревога росла с каждой минутой. Поспешно начал набирать номера нужных телефонов:

– У всех, что ли, телефоны поиспортились? Связи ни с кем нет.

МЧС возился с телефоном, ругал и честил нашу мобильную связь. Не знал он, что телефоны всех троих абонентов заблокированы, и связь с ними оборвалась навсегда.

За белым «Лексусом» таможенный пост проехал и черный БМВ, который сразу сел на хвост белому джипу и медленно катил следом на расстоянии 50 метров. Внешне ничего подозрительного в этом не наблюдалось – в общем потоке машин, следующих в обоих направлениях. Сидевший на зад-

нем сидении БМВ парень также звонил по телефону неизвестному боссу:

– Алло, объект границу пересек.

Ему скомандовали:

– Заблокируйте сзади, дальше сам знаешь, действуй исходя из ситуации, ребята ждут на том месте, они свое дело знают.

– Есть, – ответил звонивший, затем положил мобильник в карман и сказал водителю:

– Доха, веди осторожно, на глаза им не показывайся, езжай так, чтобы они нас не замечали. – С этими словами он вытащил из лежавшей на заднем сидении большой сумки пистолет и засунул за ремень сзади.

Джип «Лексус» медленно проехал мимо стоявших двух черных джипов; других машин поблизости уже не было, вдоль дороги было пусто.

– Телохранители должны были ждать здесь! Что с ними, неужели не приехали, или перепутали время?.. – пробормотал МЧС в раздумье, сердце его учащенно билось в предчувствии чего-то недоброго.

Оставшиеся позади на посту два джипа неожиданно завели моторы, включили фары и последовали за джипом «Лексус». МЧС, обернувшись, посмотрел через заднее стекло на эти две машины, вид которых ничего хорошего не предвещал.

– Езжай дальше, может быть, с ребятами по пути встретимся, – сказал МЧС водителю и обратился к Слепко:

– Степаныч, дай свой телефон, может быть, смогу по твоему связаться с ребятами-телохранителями. С моего почему-то связаться ни с кем не получается.

Но и телефон Слепко молчал, звонки вроде бы доходили, но ответа не было.

13 марта, пятница

Тридцать пять минут третьего ночи

Как только «Лексус» тронулся в путь и набрал скорость, стоявшие у поста два черных джипа сразу увязались за ним. Затем на первом же повороте дороги догнали «Лексус». У них маячили спецсигналы, и можно было подумать, что это были спецмашины правоохранительных орга-

нов. Когда один из черных джипов начал их обгонять, МЧС сказал водителю:

– Посмотри, что за машины.

– Не знаю, никаких знаков и номеров не видно, Может быть таможенники, так они работают с контрабандой.

– Если спешат, уступи им дорогу, пусть едут, – сказал МЧС, обращаясь к водителю и сам стараясь через стекло разглядеть обгонявший их черный джип. Не ведал он, что это его смерть едет в тех джипах. Знал бы, скомандовал водителю нажать на газ и всюю мчаться в город. «Лексус» являл собою авто последней модели с мощнейшим мотором, способным развивать высокую скорость. Кто знает, может быть, и удалось бы выжать из нее возможное, затеряться в потоке машин, спастись... Но он не скомандовал: «Вперед, не останавливайся!», а наоборот, сказал водителю: «Тормози, пусть обходят».

Пользуясь этим, впереди идущий черный джип вдруг резко рванул вперед и справа начал теснить «Лексус» к обочине. В это время второй черный «Тойода» зашел слева и не давал возможность белому «Лексусу» тормознуть. Поскольку скорость была небольшая, маневрировать было невозможно, справа был откос, и пришлось остановиться. Иначе под нажимом двух машин-преследователей можно было сорваться в обрыв. Как только приостановились, двери двух черных джипов быстро открылись, из них выскочили вооруженные автоматами шестеро в защитной военной форме и в масках, окружили «Лексус». Их вид ничего хорошего не предвещал.

– Байке, что делать, скажите, что делать? – чуть не визжал на высокой ноте молодой водитель, глядя на МЧС выпученными от испуга глазами. – Скажите же, байке!

– Подозрительно все это, или решили перепроверить машину, или преднамеренную провокацию задумали!.. – сказал Слепко тревожным голосом. В памяти у него всплыл случай с матрешкой на другой границе, когда начиненную наркотой обыкновенную русскую матрешку кибаявцы попытались использовать против одного из оппозиционных деятелей. Подумал, что и в это раз могут подкинуть что-то в салон и устроить такую провокацию против Садырбекова. Но говорить открыто об этом не стал.

Двери «Лексуса» могли заблокироваться и снаружи открыть их обычным образом становится невозможно. Но эти вооруженные люди могли разбить оконные стекла и открыть двери изнутри. Стоявший возле водителя человек в маске постучал стволом автомата по стеклу и громко скомандовал:

– Открыть дверь и выйти наружу!

– Что делать мне, байке! – спросил водитель, молодой парень с дрожью в голосе. Увидев, что того охватил страх, МЧС успокоил его, сказав:

– Не бойся, Кубат, открой дверь. Им, наверное, нужен я, а вы тут не при чем, открой, – повторил он как можно спокойнее.

Перед его глазами предстала вереница образов, начиная с того момента, как он получил по посылке отрезанное человеческое ухо и палец: Баяман, Жыргалбек, Тынчтык, Рыбпек, а также бесследно исчезнувший Руслан. Потому что, хотя у него не имелось точных документальных доказательств, он, занимая высокое служебное положение, хорошо знал, кто причастен к этим и другим кровавым преступлениям. Знал, кто из вышеперечисленных людей, каким образом и кем именно, в чьих интересах был уничтожен. Из названных пятерых неопределимо и особо большую услугу Кибаяевым оказали Баяман, Рысбек и Руслан, без которых приход к власти шустрых семи братьев и возможность удержания ими этой власти были весьма сомнительными. Как бы там ни было, эти джигиты ушли, так и не сумев пожать плоды своего честного служения власти. Уверовав в свой непревзойденный авторитет в стране и вне ее, Садырбеков даже в мыслях не мог допустить, что с ним поступят так же, как и с теми. Лишь сейчас с пронзительной ясностью он осознал, что эти парни с автоматами просто так на большой дороге не стали бы вот так нагло его останавливать и задерживать, и значит, у них имелся четкий приказ, им было на кого опереться.

Как только двери машины открылись, двое здоровенных парней в масках вытащили водителя, один из них сел на его место, двое других зашли с задних дверей и сели, с двух сторон зажав МЧС и Слепко. Еще один сел на сидение возле водителя и скомандовал:

– Айда, поехали.

– В чем дело, кто вы? – спросил МЧС по возможности спокойно, пытаясь сохранить хладнокровие. – По чьему заданию работаете?

– Вот приедем, там и узнаете, а сейчас сидите тихо, вам же лучше будет, – коротко ответил севший впереди человек в маске. Затем, обращаясь к МЧС, скомандовал: «Дайте руки», – и вытащил из заднего кармана звенящие наручники.

– Зачем так, или вы боитесь нас?

– Нет, такой порядок, дайте руки.

МЧС на мгновение уставился на него, затем сказал:

– Если не боитесь, снимите маску.

В этот момент сидевший слева в маске грубо ткнул МЧС в бок и произнес с южным акцентом:

– Кончай базар и дай руки, успеем еще поговорить, времени будет достаточно.

Слепко был безмолвен, лишь краем глаз глядел на МЧС. Его руки слегка задрожали, во рту пересохло, и холодный пот проступил ниже затылка, стекая по спине.

– На, надевайте свои наручники, но как бы потом не ответили за это, ваши личности быстро установят, – сказал МЧС и протянул руки. Сидевший впереди человек быстро сковал поданные руки. Затем сказал, обращаясь к Слепко: – Вы тоже. – Тот молча протянул руки, его также заковали в наручники.

– Где водитель, в чем его вина? Он совсем молодой парень, не трогайте его, – обратился МЧС к сидевшему впереди человеку, по всей видимости, командиру группы. Тот ответил:

– С ним ничего, тоже едет. – Затем, кивком подбородка указав на МЧС, скомандовал: – Закройте им головы.

Ждавшие эту команду двое сзади с готовностью вытащили из карманов широкие черные мешки и надели на головы МЧС и Слепко.

Зловещая кавалькада из двух черных джипов, между которыми ехал зажатый сзади и спереди белый «Лексус», тронулась в сторону Бишкека. Спецсигналы над черными джипами отключили. Отдельно, чуть поодаль, следовал черный БМВ. Находящийся внутри него человек сделал звонок:

– Алло, все в порядке, объект на месте, – сказав это, он опустил козырек кепки низко на глаза, затылком уперся в

подушку сидения и закрыл глаза. Он радовался тому, что задание было выполнено сверхоперативно, в течение какой-то минуты с небольшим, лишних свидетелей не было, всего несколько машин проехали. Даст Бог, все будет хорошо, получит от хозяина обещанные деньги и поедет сначала в Россию, оттуда – в Эмираты, отсидится там, пока скандал утихнет. К тому же хозяин сказал, что это последнее такое задание, и если выполнит все как надо, около полугода будет оттягиваться. Он находился в сладком ожидании обещанных денег и отдыха на лазурных курортах, зажмурил от удовольствия глаза. Его сладострастные грезы прервал звонок мобильного. Не меняя позу, он небрежно взял телефон и ответил:

– Алло, слушаю... Что? В Токмок ехать? Хорошо. – Положив телефон в карман, сказал водителю:

– Доха, едем в Токмок, там одно дело есть, срочное, приказали прямо сейчас туда ехать. А того обещали отдать завтра же. Видимо, шефам наша работа понравилась, – сказав это, довольный, в той же позе он растянулся на широком сидении.

Эти двое, поехав по объездной дороге в сторону Токмока, не знали, что их судьба уже была решена хозяевами. Спустя полчаса на 52-м километре автодороги Бишкек-Торугарт была найдена опрокинутая в кювет автомашина БМВ с двумя погибшими пассажирами. Об этом милиции сообщил водитель грузовика, ехавший в сторону Бишкека. Находившиеся в салоне два трупа были отвезены в морг Токмокской городской больницы. При них никаких документов, удостоверяющих личности, не оказалось. И посему их личные данные остались неизвестными... Прибывшая милицейская следственная группа вынесла предположение, что водитель БМВ не справился с управлением, в результате чего машина опрокинулась в кювет. Что касается авто, оно в течение недели находилось в розыске как угнанная, госномер принадлежал выбывшей из регистрации другой автомашине. Так бесславно завершилась судьба двоих преследователей, перед тем тенью следовавших за белым «Лексусом». Их смерть положила начало череде других таинственных жертв на протяжении пятницы, 13 марта. Тела этих двоих дополнили список безымянных, которых через два отведенных законом

месяца похоронили как бесхозных, с зарегистрированными в морге порядковыми номерами. Еще две семьи остались без кормильцев, в горе и печали, число бесследно пропавших увеличилось на два человека.

13 марта, пятница

Сорок пять минут третьего ночи

Мысли, одна мрачней другой, приходили на ум и вертелись в накрытой мешком голове МЧС, пока он ехал. За это время он успел продумать все версии, терзаясь сомнениями по поводу того, чьих рук это дело. В ушах метрономом стучали и, словно долгое эхо, повторялись слова капитана-пограничника: «Полчаса, больше получаса задержать не могу, полчаса...». Кто же ему приказывал? Теперь стало фактом, что эти слова относились к нему, его на погранпункте задержали ровно на полчаса, и лишь потом пропустили, значит, кому-то нужны были эти полчаса, чтобы иметь возможность подготовиться к чему-то. Может быть, эти полчаса времени нужны были для того, чтобы два черных джиша подоспели к границе... Никаких сомнений в том, что эта была заранее подготовленная акция, теперь не оставалось. Хамадаев, которого до последней минуты он подозревал во всем, на такое не способен, у него сил и духа не хватило бы организовать подобное опасное дело. Да и повода для такой акции у того не было. Тогда кто?.. Кому нужен был такой неприглядный и наглый скандал?.. – мучил себя МЧС жуткими сомнениями и безответными вопросами.

Думал-думал МЧС и в конечном счете остановился на двух вероятных версиях происходящего. Первое: это – дело рук криминальных групп, таким способом те обычно прессуют и вымогают большие деньги; второе – творчество брата-генерала президента. Который, пользуясь благоприятным случаем, попытается сломить, отвести его от большой политики, и, возможно, задумал вынудить его выехать в одну из зарубежных стран. Других, осмелившихся пойти на такую наглость, сил пока нет. Но коль так, то его начал терзать еще один вопрос: если на такой шаг пошел Жакен и его бандиты, то в курсе ли президент и его младший сын Вадим, знают ли они о случившемся?

Мысли МЧС остановились на младшем сыне президента Вадиме. Этот пацан еще раньше, лет семь-восемь назад, когда отец был премьер-министром, попал в лапы международной политической мафии. В то время мошенники международного масштаба прибрали младшего из Кибаяевых к рукам и через него задумали внедриться в Кыргызстан в собственных интересах. У них тогда не было возможности сработать с близкими тогдашнего президента, канал тот был схвачен другими. Тем не менее, в бытность Кибаяева главой правительства, они сумели заполучить подпись Вадима под рядом важных для них документов. Они не теряли его и тогда, когда впоследствии отец Вадима ушел в отставку с поста премьер-министра: действовали на перспективу и оказывали всяческую финансовую поддержку. Силой их денег росло политическое влияние Кибаяева, он стал депутатом парламента, был провозглашен лидером оппозиционных сил. Международная мафия путем подкупа высокопоставленных сотрудников американских и российских спецслужб делала попытки привести Кибаяева к власти, для чего на деньги не скупилась, давали ему довольно значительные суммы. Продвижение Кибаяева во власть для них было делом чрезвычайно важным – так как их соперники к тому времени успели прибрать к рукам сына и дочь президента Какаева и через них контролировали экономическую политику внутри страны. Видя, что сын Какаева Аймар нерешителен и повлиять на отца не может, эта мафиозная группа начала опутывать его дочь-красавицу Маржан, поскольку хорошо знала, что та способна повлиять на отца, и свободно обсуждает с ним политические и экономические вопросы. Наконец, они нашли путь к девушке. Маржан еще не была замужем, и потому надо было ей найти достойного мужа. Они выбрали четверых-пятерых «нужных» парней с хорошей внешностью и умом, которых начали обучать, как себя вести с Маржан. Им было задано досконально изучить ее манеры и привычки, любимые блюда, прочитанные книги, понравившихся писателей и поэтов, любимую музыку, кинофильмы. После соответствующей подготовки эти женихи всегда оказывались там, куда Маржан ездила за границу, и под разными предложениями стремились завести с нею знакомство. В конце концов на проходящем в Швейцарии большом экономическом форуме с

Маржан «случайно» встретился один из подготовленных женихов по имени Адик. Как и было запланировано, при первой же встрече у молодых совпали взгляды на жизнь, литературные и музыкальные вкусы. Похожими – одной марки – оказались даже их наручные часы. Откуда Маржан могла знать, что ее будущий жених и муж является частью сложного проекта международных аферистов! Обрадовалась тому, что у них многое совпало, и без раздумий вышла замуж за Адика. Не посмотрела и на то, что у того были дети от первой жены. Вскоре родила от него первенца-сынишку. Адик же, после выполнения первого этапа аферистского плана с женьитьбой, пошел дальше: втерся в доверие к высокопоставленному тестю и сразу же прибрал к рукам инвестиционную политику в стране, установил полный контроль над финансовыми источниками. А там, куда сам добраться не смог, использовал влияние Маржан, и, таким образом, сумел добиться надзора и над системой государственного политического управления. Впоследствии за Адиком закрепилось почетное звание «зятя всего кыргызского народа», что было верхом уважения в общественном сознании. Далеко идущие планы его хозяев начали обретать реальность, и через него была начата экспроприация богатств страны.

Все эти сведения стали известны только после государственного переворота 24 марта. МЧС тревожило то, что те же события с подобным же сюжетом, только с другими исполнителями, повторяются и ныне. Разница была лишь в том, что если раньше международные аферисты действовали через дочь и зятя президента, высасывая кровь кыргызского народа, то теперь в качестве агента влияния был выбран младший сын нового президента Вадим. Их больше всего интересовали золотопроизводство и энергетические ресурсы. МЧС много разговаривал с Вадимом на темы экономики, бизнеса и политики, и отдавал должное тому, что, несмотря на свою молодость, Кибаяев-младший имеет инновационные способности и неплохой опыт в бизнес-сфере. Но в то же время у Вадима совершенно отсутствовали такие понятия, как честность и совесть, государственность, народ, нация, национальные интересы. Кыргызстан он рассматривал лишь в качестве площадки для ведения бизнеса, накопления богатств, и его ничуть не беспокоило то, что потом

будет со страной, отцом-президентом, под каким именем тот останется в истории. Видя, как Вадим начал прибираться к рукам принадлежащие окружению бывшего президента предприятия, кафе и рестораны, торговые комплексы, недвижимость и постройки, МЧС однажды ему сказал:

– Вадим, ты пока молод, у тебя еще будет время и возможность исправлять какие-то, однажды совершенные ошибки. Но отец твой уже не молод, судьба распорядилась так, что он стал главой государства и взвалил на себя тяжкий груз. Ему важно не запятнать себя и остаться в истории с добрым именем. Подумай, если он тоже запятнает себя «славой» предыдущего президента, и народ возненавидит его так же, как и предшественника, у него уже не останется времени отмыться от такого позора. К тому же возраст у него приличный, уже за шестой десяток переваливает. Неужели в этом случае внешний блеск и богатства важнее, чем доброе имя отца?

На что Вадим ответил беспристрастным и вмиг ставшим отчужденным голосом:

– Мне все это неинтересно. У него достаточно детей, кроме меня. Он вновь и вновь женится на кыргызках, когда легально, а когда – нет. Пусть они думают о его добром имени, и каким хорошим оставить его в истории. Мне все равно, как народ и история оценят отца. Это его проблема. Вы же знаете, у папы с головой не очень, если оставить его одного, долго править самостоятельно он не сможет. А пока жизнь дает нам хороший шанс, его мы должны использовать сполна. Мои активы целиком за границей. Если что – уеду, приму другое гражданство и уеду. Как вы знаете, у меня гражданство Израиля, паспорта готовы, друг-банкир Черноконь постарался. А папа пусть останется и живет со своими кыргызбаями-мыркымбаями, Жармагулями-Айшаханами, ни на что другое он больше не способен. Можно подумать – как президент, так стал другим. Ничего подобного, он как был мырк, так и мырком остался.

МЧС как старший по возрасту напомнил было ему об ответственности и обязанностях президентской семьи перед народом. На что Вадим ответил как отрезал:

– Медер байке, давайте так договоримся, пустых слов мне не нужно. Вы лучше помогите мне, я в вопросах политики и

кадрах особо не разбираюсь, главное в том, что сейчас мне нужны люди, хорошо разбирающиеся в вопросах бизнеса, способные безбоязненно провести приватизацию энергетики. А после нас хоть потоп, у меня тоже обязательства перед другими, которые я должен выполнить любыми способами. В этом деле не к месту говорить о патриотизме и тому подобной лабуде. Главное – деньги. – Тем самым он окончательно дал понять, что отходить от своего не намерен.

Спустя некоторое время после того случая начали обсуждаться вопросы продажи Токтогульской ГЭС, Бишкекской ТЭЦ, национальных электросетей и теплопроизводящих предприятий. Видя, что интересы государства остались в забвении, и Вадим в чьих-то интересах проталкивает эти вопросы, МЧС подготовил специальную записку президенту и передал ему. В записке речь шла о том, что идея распродажи энергетической отрасли приведет его к историческому позору, а также на беспристрастных фактах и цифрах пытался убедить Киббаева в том, что единая государственная энергетическая система вполне сможет не только выжить, но и развиваться и процветать. Не прошло и трех дней после внесения записки, как Вадим звонит МЧС и говорит:

– Медер байке, вы, оказывается, работаете против меня?

– На основании чего ты такой вывод делаешь, или наслушался слухов и сплетен?

– Нет, вот у меня на руках документы. Оказывается, вы пытаетесь приостановить проталкиваемые мной проекты по энергетике, и дали такую рекомендацию президенту. Я это понимаю как враждебность по отношению ко мне, – сказал Вадим, ошарашив МЧС.

Оказалось, что документ под грифом «государственная тайна» президент отдал сыну Вадиму, сказав ему: «Это по твоей части, на, посмотри». МЧС наивно предполагал, что президент досконально не мог разбираться во всех перипетиях энергетической отрасли. Оказывается, не так. Все было заранее обдуманно, обговорено, и энергетика – точно по плану Вадима, – похоже, будет все-таки продана. Вадиму его зарубежные хозяева принесли тщательно подготовленный пакет документов, который включал законопроекты, проекты постановлений правительства по распродаже предприятий энергетики, нужные расчеты, справки-обоснования. Все

готово, остается лишь одобрение парламента и подпись главы правительства, после чего целая отрасль станет собственностью иностранных аферистов. Вот так в этом деле МЧС в одночасье превратился во врага семьи Кибяевых. И не только. Когда после всего этого возник вопрос о запросе российской помощи для строительства важного энергетического предприятия, президент, не моргнув глазом, при всех сказал:

– Этот проект должен рассмотреть Вадим, надо с ним согласовать вопросы финансов и технического обеспечения строительства.

Услышав это, присутствовавшие на приеме и настроившиеся было подробно обсудить вопрос предоставления российского кредита высокопоставленные чины с Краснопресненской Набережной лишь переглянулись друг с другом. Они поняли, что с этой минуты Вадим не просто младший сын президента, а человек, играющий решающую роль в политике возглавляемого отцом государства, а сидевшие на переговорах премьер-министр и министр энергетики – выступают в роли подписантов спускаемых им документов.

После того конфликта в энергетическом вопросе Вадим отвернулся от МЧС. Все вопросы он начал решать самостоятельно, не стал, как раньше, обращаться к нему, а на главу правительства и министров выходил напрямую и просто давал им указания. Размышляя над всем этим, МЧС, с одной стороны, искренне жалел Вадима, ведь было ясно, что как только президент уйдет, иностранные хозяева сразу же кинут пацана. Поскольку Вадим был пешкой в их руках, и те, используя власть его отца, дают ему возможность делать большие деньги, и он им пока нужен. Для аферистов такого уровня ничего не стоит соответствующим образом решить его судьбу, как только тот станет непригодным. Но до этого мафия успеет разворовать богатства целой страны, чтобы затем посадить ее на мель. И если вовремя не остановить, не ликвидировать семейное правление Кибяевых, то будущего у государства не станет.

МЧС очень сожалел, что когда подводились итоги двухмесячных усилий, когда организационная сторона плана уже была завершена, он таким вот нелепым образом попался. «Эх, как глупо вышло», – кусал МЧС губы, но было поздно. Ведь многие ему говорили, чтобы он позаботился о своей

безопасности, что от этих всякого можно ожидать, что у Кибаяевых человечность отсутствует напрочь, сами они как цыгане, готовы хоть где обитать, и для них убить человека – раз плюнуть. Пренебрег. Поскольку он думал, что хорошо знал Кибаяевых. Эти Кибаяевы каждый по отдельности очень трусливы, ради карьеры и должности готовы пролезть даже в мышиную норку. Но одно упустил из виду МЧС. Кибаяевы сейчас под прикрытием государственной машины опираются на силу власти и в настоящее время напоминают сбившихся в стаю кровожадных шакалов. Потому никто из них в отдельности своей головой не рисковал, все делают чужими руками, ими же гребут жар к себе. Ведь не они, а другие за них держат горящие головешки голыми руками. Вот это упустил из виду МЧС...

13 марта, пятница

Пятьдесят пять минут третьего утра

По оценке МЧС, машина уже вошла в Бишкек. Слышны были звуки множества моторов авто, скорость тоже уменьшилась. «Лексус» часто останавливался и вновь трогался, никуда не сворачивая; похоже, едут вверх по Алма-Атинской. В памяти МЧС всплыли события прошлого года, когда в это же время Кибаяев вылетел лечиться в Германию. Случай действительно был смешной, трагикомичный. Почти месячное отсутствие президента было плодом творческой фантазии приехавших из России политтехнологов. Получилось так, что итоги прошлогодних парламентских выборов в народе породили большое недовольство, все росли и усиливались протестные настроения. Массовых волнений сразу после выборов каким-то образом удалось избежать, но были опасения, что под шумок трехлетия революции 24 марта люди массово могут выйти на улицы. На повестке стоял вопрос: как этого избежать и не допустить? Вот тогда политтехнологи и придумали выход. По их совету президент на время должен выехать за границу на лечение. В то же время информация об этом подавалась половинчатая и двусмысленная, высказывались различные мнения и слухи по поводу болезни президента – от его якобы тяжелого состояния до возможности кончины. Сам президент в это время хра-

нил гробовое молчание и проходил лечение. Настало 21 марта, всенародный праздник восточной весны – Нооруз, затем 24 марта, годовщина революции, но никаких поздравительных речей от него народ так и не услышал. Были даже разговоры о том, что он еще 22 марта умер, в аэропорт прибыл груз-200 с его телом. Любопытно было и то, что пресс-служба президента эти и другие сведения ни опровергала, ни подтверждала. Цель была одна: таким способом сдержать возможное народное восстание 24 марта. Кому это нужно, когда неизвестно состояние президента, главного объекта народного возмущения, с которым непонятно что творится – то ли жив, то ли мертв.

До 25 марта события разворачивались по заранее подготовленному сценарию. Между тем, из уст высоких чинов исходили подогревающие страсти сведения. К примеру, тогдашний торага Жогорку Кенеша Хамадаев заявил:

– Президент заканчивает курс лечения, по приезду, возможно, некоторые его не узнают.

Услышав это, отдельные люди подумали, что президент скорее мертв, чем жив, и поспешили поделиться собственными версиями, одна ужасней другой. Согласно некоторым из них, президент действительно умер, а в Германии путем пластических операций ему готовят двойника.

В разгар накала страстей в один из дней президент внезапно прилетел и прямо с трапа самолета заявил:

– Вот я, живой и невредимый. Вылечил почки, хотя до этого не знал, где они у меня находятся, благодаря немецким врачам узнал их местоположение. – И добавил: – Пока я лечился, некоторые меня уже похоронили, но, как видите, у меня все в порядке, здоров как бык.

Публика все равно не угомонилась, поговаривая:

– Если был жив, то почему молчал, мог же сделать хотя бы видеобращение, чтобы всех успокоить.

Откуда знать простым смертным, что все происходило по специально разработанному сценарию. Но была и вторая сторона сей хитрости. По задумке технологов, после бесследного исчезновения президента народ бы забеспокоился, потребовал полной справки о состоянии здоровья главы государства, все начали бы тревожиться о дальнейшей судьбе страны,

о том, что при безвластии возможны всякие беспорядки, перевороты и мятежи. И в этот момент всеобщего беспокойства и тревоги президент, словно Христос воскресший, предстал бы пред очи восторженной, ахнувшей публики, живее всех живых, и такой родной, сказал бы долгожданные слова успокоения, рассказал о новых грандиозных планах. Народ бы вознес его на руках, готовый следовать за ним хоть куда. Возросла бы его популярность, недоброжелатели и враги в полном смятении. В этом и крылась суть политтехнологической хитрости. Все шло по плану конструкторов сей затеи, пока сам Кибаяев не испортил концовку. На подготовленном в соответствии с планом большом собрании он, оторвавшись на минуту от написанной речи, взял да ляпнул:

– Зимой света не будет, заготавливайте кизяк.

Сей ляпсус свел на нет таким трудом приготовленный и исподволь осуществляемый сценарий по выправлению и повышению пошатнувшегося имиджа президента. И пошло-поехало. Сценарий рушился, президент больше запомнился народу своим «кизяком» и тем, каким образом он нашел местоположение своих почек. Если до этого его язвительно называли «мантоедом», отныне к нему прочно приклеился ярлык «Кизякбай» – как президента «Кизякстана».

Был свой резон в том, что в тот день на большом собрании президент Кибаяев обратил пристальное внимание на состояние электроэнергетики. Так как ближе к весне уровень воды в водохранилище Токтогульской ГЭС упал до 6,6 миллиардов кубометров, и если вода уменьшится еще на один миллиард, то турбины останутся полностью. Это означало бы крах электроэнергетики страны. Вопрос стоял в центре внимания общественности, депутаты предложили создать специальную комиссию для расследования причин такой катастрофической ситуации в отрасли и найти тех, по чьей вине всё случилось. А Президент, который прекрасно знал, что в этом деле замешан его сын Вадим, делал судорожные попытки перевести стрелки на других. Стал нести чепуху, что, мол, падение уровня воды в ГЭС произошло в связи с маловодьем последних лет и засухой, а население попросил заготавливать кизяк... Видимо, с целью показать, что вот он заранее позаботился, предупредил, чтобы люди к зиме готовились, кто как может.

По прошествии десяти дней после того «кизячного» спича Кибаява, прошел Народный курултай Объединенной оппозиции, на котором здорово пошерстили шкуру власти и воздали ей по заслугам. На курултае состоялся откровенный и нелицеприятный разговор о плачевном состоянии энергетики, о том, как вода в «Токтогулке» тайком спускалась и продавалась без учета, и в чьих интересах все это делается. Оппозиция записала в свой актив важное очко.

При воспоминании о том случае у МЧС родилось возмущение бездарностью и двуличием президента Кибаява, и Садырбеков задумался о том, каким образом подобный человек мог оказаться у руля власти. Как так получилось, что весьма посредственный инженер, только после 13 лет учебы с горем пополам сумевший окончить обыкновенный технический институт, пришел во властную вершину? В итоге он наступает на те же грабли, что и бывший президент Какаев, который тоже пожинал горькие плоды того, что в последние годы своего правления в его окружении оставались лишь откровенно лизоблюдствующие подхалимы, отпетые мошенники и аферисты.. Обозванная «ханшей» его жена тянула одеяло в одну сторону, сын Аймар – в другую, а дочь Маржан и зять Адик – в третью. В итоге все вместе они столкнули президента в глубокую пропасть.

Та же картина и сейчас. Некому думать о стране, о народе. Каждый гребет лишь под себя...

13 марта, пятница

Три часа утра

Один из сопровождающих белый «Лексус» черных джипов ехал впереди на расстоянии ста метров, второй – на том же расстоянии сзади. После проезда перекрестка широкой объездной дороги машин, движущихся в обоих направлениях, стало больше, и потому эти три авто ничем не выделялись в общем потоке. Лишь на относительно пустынных участках они прибавляли скорость; по ощущениям МЧС, машина никуда не поворачивала и ехала прямо по улице Алма-Атинской. Если не считать некоторые незначительные отклонения по пути влево или вправо.

В памяти МЧС всплыла газетная статья, где была описан психологический портрет Кибаява. Автор статьи заметил,

что на прямые вопросы президент отвечал враньем. Далее автор принялся исследовать, от чего президент такой. И, оказалось, что Кибаев как старший сын в многодетной семье, стал жертвой жесткого характера отца, который строго наказывал детей за малейшую провинность, в первую очередь Кибаева, старшего. В результате от природы вялый и неуклюжий сын, чтобы избежать отцовских взбучек и наказаний, придумывал всяческие уловки, научившись врать для собственной безопасности. Чтобы не получать болезненные тумачи от отца, на ходу и без раздумий он сочинял неправду, крутил, вилял как мог. И подобные уловки и хитрости въелись в его детскую психику. Если раньше эти изъяны не замечались, то теперь, в частых выступлениях перед публикой в качестве президента они явно просматривались, и скрывать это он уже не мог. Оказалось, что детские психологические травмы сохраняются на всю жизнь. Уже достоянием широкой общественности стала способность нынешнего президента говорить неправду во избежание ответственности, она воспринималась как неустраняемая особенность его поведения. К примеру, во время кровопролития в Коксуйском районе премьер-министр, самолично отдав приказ о начале операции «Буря», назавтра же после кровавого расстрела мирных жителей бесследно исчез. Сославшись на внезапную болезнь, он более десяти дней незаметно отлеживался дома. Хотя как глава правительства, при таком массовом кровопролитии должен был бы обязательно поехать на место трагедии в Коксу, а не скрываться от народа. Однако впоследствии он заявил о своей непричастности к этой трагедии, мол, наоборот, он был против расстрела и будто бы из-за отрицательного отношения к нему добровольно подает в отставку. Хотя на приказе о разгоне демонстрации коксуйцев стоит его подпись. На заседании Совета безопасности Кибаев упрямо оправдывался, не желая уходить со своего поста, ссылаясь на болезнь, и все по телевизору видели, как тогдашний президент Какаев насильно выгнал его с работы. Видимо, на этот раз он запомнил тогдашнюю свою болезнь во время коксуйских кровавых событий, иначе не сказал бы, спускаясь с трапа самолета, доставившего его из Германии после лечения, что, «никогда до этого не болел, здоров как бык, впервые проходил курс лечения».

Слушая это, люди не могли понять, где правда, а где ложь в словах Кибаяева: в этом выступлении или в том, когда он говорил о Коксуйских событиях.

Еще. Два года тому назад, когда Рысбек с тысячами своих людей два дня митинговал возле Белого дома, Кибаяев, выходя из своего кабинета, тоже заврался, сказав, будто не знал и не слышал о происходящем, хотя не мог не знать о митинге, несколько дней будоражащем всю страну. Знал он, слышал, но боялся – и потому не выходил. Поскольку стоял перед почти неразрешимой дилеммой: если выйдет по требованию Рысбека и пойдет на переговоры с его людьми, то мнение международной общественности о нем, Кибаяеве, будет отрицательным, и скажут, вышел на переговоры с криминальным авторитетом. Но и не выйти тоже невыгодно, с Рысбеком лучше не шутить, тот обид не прощает. К тому же Кибаяев кругом должен ему, в свое время всюю пользовался его поддержкой для прихода к власти. Получается, что в обоих случаях – во время Коксуйских событий и на митинге Рысбека, – он заврался с испугу. В другой раз попался на лжи в случае с человеком по фамилии Жункеев, публично заявив, что не знает такого. Но когда сидящие в зале во время встречи с ним люди загудели в знак возмущения, что не может президент его не знать, и пальцами указали на человека, у которого имелось удостоверение советника президента, ездившего на машине со спецномером из гаража президентской администрации, только тогда Кибаяев признался в том, что да, Жункеева он действительно знает. Его с ним познакомил Кусон Сыдыкович, и по рекомендации последнего он взял Жункеева к себе советником. В тот раз президент опозорился перед руководителем своей администрации. Сидящие в зале пристыдили президента, мол, именно такие одиозные личности, как Жункеев, пользуясь его доверием, позорят его самого. Трусливая шкурная натура Кибаяева, его постоянное бегство от ответственности стали притчей во языцех. К примеру, когда 24 марта на Центральной площади началась буча и митингующих сперва разогнали, Кибаяев с площади сбежал и, завернув в ближайшее кафе, уселся там, жуя манты. Расчет был по-детски незатейливый: если бы тогда милиция начала арестовывать восставших, он бы сказал: «Меня там не было, я ел манты».

Психологи отметили, что его манера беспричинно поводить плечами, словно ящерица, часто высовывать язык и облизывать губы, грубая жестикуляция руками, привычка проводить ладонями по волосам есть следствие пережитой в детстве психологической травмы. Говоря на врачебном языке, он – больной. Как же такой человек оказался не вершине власти?

МЧС вновь и вновь задумывался над этим, на мгновение забывая о собственном трагичном положении.

13 марта, пятница **Пять минут третьего утра**

Внушительный на вид, но легкий в движении «Лексус» ловко въехал во двор шикарно построенного двухэтажного особняка. Один из сопровождавших черных джипов уже находился там, второй подъехал чуть погодя. Как только машины въехали во двор, ворота закрылись.

МЧС и Слепко вывели из машины, провели сначала в дом, затем вниз, в подвал, развели в разные комнаты. Потом сняли с их голов мешки, но оставили в наручниках.

Еще когда их выводили из «Лексуса», кто-то вышел из дома и скомандовал:

– Все вещи из машины занести в дом, чтобы ничего там не оставалось, обыщите карманы и все соберите сюда.

После того, как сняли мешок с головы, МЧС зажмурился от яркого света и опустил глаза, уставившись в пол. Так он сидел некоторое время. Приведший его человек вышел, на мгновение воцарилась тишина. Осмотревшись вокруг, МЧС понял, что находится в глубоком подвале. Сидел он на простой скамеечке без спинки. Больше здесь ничего не было. Стены и пол подвала были зацементированы, имелось маленькое окошко. Звуков снаружи не доносилось, хотя когда их высаживали из машины, слышны были голоса нескольких человек – видимо, комнатка выходила на другую сторону от двора, в задней части дома. МЧС вытащил из кармана мобильник и повторил последний набранный номер. Вызов вроде бы проходил, но ответа не последовало. Набрал еще несколько номеров – никто не отвечал. После того, как в два часа ночи он последний раз связался с Адугайповым, связь была заблокирована, и никто из пассажиров «Лексуса», вклю-

чая водителя, больше созвониться ни с кем уже не мог. На станции их номера и звонки фиксировались, но дальше не пропускаялись.

Послышался звук шагов спускающегося по лестнице человека, и МЧС тут же спрятал телефон в карман, хотя необходимости в нем теперь не было. Дверь открылась, и в подвал вошел человек в низко надвинутой в глаза кепке. Молча подошел, взял Садырбекова за воротник и принялся обшаривать карманы. Вытащил из внутренних карманов документы, из боковых – мобильник, затем ключи. После этого грубо скомандовал:

– Встань, – и потянул за воротник.

МЧС встал и спросил:

– Кто тут главный, пусть подойдет. Что ему нужно? – Человек, однако, не удостоил его ответом, все так же молча продолжая шарить по карманам, швам и сгибам одежды. Затем толчком усадил его на скамеечку и так же молча вышел.

В мыслях МЧС вновь появился молодой депутат Руслан, в свое время пропавший без вести, о подлинных причинах чего он знал хорошо. Да, паренек без вины пострадал, единственной виной было то, что знал многое. Кибаевых особо тревожили последствия произошедших 24, 25, 26 марта четырехлетней давности событий. Тогда Руслан со своими джигитами выполнял должность коменданта захваченного Белого дома, вывел оттуда шатающиеся и мародерствующие группы захватчиков, из более-менее организованных людей организовал дежурных, и таким образом, добровольно взял на себя ответственность за сохранность документов и вещей от мародеров и неизвестных похитителей. В те дни пошла молва, впоследствии так и не подтвердившаяся, о трех вещах: первая – судьба денег, похищенных в кабинетах и сейфах Белого дома (по сведениям, это были очень большие суммы); вторая – куда делись находившиеся в подвале Дома правительства 350 автоматов и боеприпасов к ним (следы их затерялись после того, как их вывезли оттуда); третья – секретные документы из кабинета бывшего президента. Никто так и не узнал, куда они делись и в чьи руки попали. Как комендант Руслан, конечно, знал всю подноготную сих пропаж и постарался, чтобы все вещи и документы были пере-

даны в соответствующие руки. По имеющимся у МЧС сведениям, после того, как в прошлом году председатель Центризбиркома Билкаева, обвинив младшего сына президента Вадима в грубом к ней отношении, сбежала за границу, Кибаевы здорово струсили. И пришли к неутешительному выводу, что если не дай Бог, еще кто-то вздумает разгласить их тайны, тогда им несдобровать, народ восстанет. А посему решили, что надо будет замести следы. Хотя МЧС об этом в общем знал, но не ведал, какими именно способами те свой план осуществили.

А дело было так. В тот день вечером Руслана позвал к себе домой его земляк Абдукадыров, работающий в одном крутом госучреждении. Задание ему давал брат президента Жакен, строго указав, чтобы Руслана тот привел в определенный час в такое-то кафе. Они с Русланом долго сидели и разговаривали о том, о сем. В конце Руслан ушел домой. В этот раз разработанный план почему-то дал сбой. Тогда Жакен вновь позвонил Абдукадырову и сказал, чтобы он опять пригласил Руслана в кафе. Тот поехал к Руслану домой и, несмотря на позднее время, около полуночи снова вытащил его в то же кафе. Там они разговаривали больше часа. Вдруг к ним подошел официант и сказал: «Вас на улице ждет Жакен Самиевич». Руслан вышел из зала и больше не появился. Выполнив поручение, Абдукадыров поехал домой и заснул. Машина Руслана так и осталась у кафе.

Когда Руслан вышел из кафе, стоявший у джипа парень в спортивной одежде кивнул и рукой указал ему на заднюю дверь машины. Поскольку пригласили от имени Жакена, Руслан без опаски подошел к джипу. Парень открыл заднюю дверь. Кто-то там сидел, невидимый в темноте.

– Салам алейкум, Руслан. – Сидевший человек поздоровался и протянул ему руку.

– Салам, – откликнулся Руслан и, нагнувшись, протянул руку в ответ.

Как только он подал руку, сидевший в машине резко рванул Руслана к себе, а стоявший сзади парень завернул его левую руку назад, толкнул в машину, сел рядом и закрыл за собой дверь. Все это произошло мгновенно. Джип тронулся с места, выехал на дорогу. Вот так, повязанный, с мешком на голове Руслан пропал без вести.

У сидевшего в подвале в наручниках Садырбекова при воспоминании о Руслане сердце сжалось от предчувствия того, что, возможно, такая же участь ждет и его самого.

13 марта, пятница

Двенадцать минут четвертого утра

Послышался звук шагов спускающихся по лестнице людей. Когда дверь открылась, МЧС поднял голову и посмотрел в дверной проем. За порогом виднелись силуэты людей в военной камуфляжной форме и в масках. Они в комнату заходить не стали, а смотрели на него и молча стояли, будто чего-то ждали. Вдруг послышались шаги еще нескольких спускающихся вниз людей. Двое парней с надвинутыми на глаза вязаными шапочками принесли пластиковый стол и два таких же пластиковых стула, поставили возле МЧС и вышли. Дверь оставалась открытой, но люди в масках почему-то внутрь не заходили, продолжая молча стоять. МЧС не выдержал, и, сделав два шага по направлению к дверям подвала, сказал:

– Что стоите, позовите старшего! Какие требования, чего хотите?

– Придут, не спеша, сядь нам место, – резко ответил один из стоявших. МЧС по голосу узнал в нем того, кто ехал на переднем сидении в машине и командовал. Но судя по тому, что тот ничего определенного не делал, МЧС подумал, что, видимо, есть еще кто-то старше и главней, которого все ждут. А это – лишь исполнители. После чего вернулся на свое место и сел.

До этого картины захвата людей в заложники с требованием выкупа, погони на машинах, стрельбу, спецоперации полиции и штурмы логова бандитов, вызволение пленников он видел только в кино. А теперь сам, как в кино, сидит заложником в подвале. До сих пор неизвестно, кто и с какой целью его пленил.

Послышались шаги спускающегося сверху по ступенькам человека. Стоявшие у порога оживились и засуетились, уступая тому дорогу. Спустившийся сразу зашел в комнату. Это был человек в военном камуфляже, с черной маской на голове, с прорезями вокруг глаз и носа. За ним зашли все

остальные, двое в масках стали возле МЧС и схватили его за плечи.

– Начнем? – спросил один из стоявших у только что пришедшего человека. По голосу это был тот, кто ехал на переднем сидении. Пришедший молча махнул рукой, как бы давая добро. Затем подошел к МЧС, стал перед ним и сказал:

– Медер Чомоевич, вы умный человек, мы знаем, что президент вам оказывал большое доверие. К вам имеется несколько вопросов, в ваших же интересах точно ответить на них, быстрее отпустим. – И он замолчал, ожидая ответа.

МЧС окинул стоявших внимательным взглядом, стараясь узнать хотя бы кого-нибудь из них. Но военный камуфляж всех сделал одинаково похожими, и трудно было что-либо различить.

– Не понимаю, если у вас ко мне претензии, то не бойтесь, откройте лица, я ведь один и скованный, а вас пятеро. Я готов отвечать и вести переговоры, но с кем? – Не успел МЧС закончить фразу, как стоявший справа с размаху ударил ему в нос и со злостью сказал:

– Со мной будете говорить – если не будете правильно отвечать!..

Стоявший впереди человек поднял руку, как бы приостанавливая дальнейшие удары, и продолжал:

– Медер Чомоевич, я же сказал вам, будьте умницей. Адекватно оцените ситуацию. Вот вам конкретный вопрос: с кем вы вчера в Алматы встретились, его имя, фамилия и отчество? Чей он человек?

МЧС скованными руками вытер вытекающую из носа кровь и проронил:

– Ну, ребята. За это ответите.

Стоявший справа вновь молча с размаху ударил ребром ладони МЧС в нос. Допрашивающий одобрительным кивком дал понять, что тот всё правильно делает. Тот, словно только этого и ждал, пригнувшись, ударил пленного в живот. У МЧС дыхание перехватило, но сознание он не потерял.

– Медер Чомоевич, ответьте прямо на прямой вопрос, не утруждайте себя и нас.

Стоящий впереди человек сделал шаг вперед и, нагнувшись, уставился в лицо МЧС. Судя по задаваемым вопросам,

МЧС понял, что все это – не криминала рук дело, и его положение тяжелое. Понял и то, что раз задаются вопросы по алматинской встрече, его скорее всего живым отсюда не выпустят. Но главным и очевидным стало то, что за всем этим стоит брат-генерал президента. И тут же его осенило: ведь вошедший последним и есть Жакен, все совпадает: внешность и рост! Он поднял голову и убедился, что перед ним стоит сам Жакен. Эта догадка вмиг отрезвила МЧС, он подтянулся и более спокойно сказал:

– Жакен, зачем прячешься, думаешь, не узнаю, открой лицо, если у тебя есть совесть, или боишься?

Если до этого судьба еще давала ему шанс, и дальнейшее пока было неясным, то своими последними словами МЧС, похоже, сам себя приговорил. Да, чуть поодаль, за стоявшим перед ним и бьющим его человеком находился не кто иной, как начальник Службы охраны президента, генерал Жакен Самиевич.

– Медер, ты знаешь, что я тебя не боюсь.

Услышав голос главара, стоявший перед МЧС человек отпрянул в сторону и стал, глядя на выступающего вперед человека в маске. МЧС сделал попытку встать, но его силой усадили на место. Генерал Жакен Самиевич, подойдя к МЧС, снял маску и сказал:

– Мы сейчас уйдем. – Затем кивком указав на допрашиваемого, продолжил: – Мы оба уйдем, а с тобой эти ребята поговорят на своем языке, тогда посмотрим, как сумеешь не ответить на их вопросы. Они ломали людей покруче тебя. Мой тебе совет, тебе же лучше будет, если откроешь все и расскажешь обо всем. Игра закончилась, и ты это понимаешь.

– Нет, Жакен, игра только начинается, я тоже тебя не боялся и теперь не боюсь. Самое большее, убьете меня, но этим ничего не решишь. Назавтра же найдется, кому за меня спросить, так что подумай, как бы перед ними тебе самому не держать ответ.

– А что тут думать, ты себя считаешь лучше всех, чувствуешь себя в фаворе, но разве не мы тебя сделали фаворитом, дали тебе власть, большие возможности? А сейчас ты – никто, – со злорадством бросил генерал, перекинув маску из одной руки в другую. Затем кивком указал стоящему

рядом человеку на двери и направился к выходу. Выходя, сказал оставшимся:

– Немножко поработайте, ребята.

13 марта, пятница

Двадцать пять минут четвертого утра

Оставшиеся в комнате после ухода главара и его спутника четверо сняли куртки, остались в майках и начали засучивать рукава. Но маски они не сняли. Что-то звериное было в их поведении и во внешности. МЧС обратился к ним:

– Ребята, подумайте, что делаете, придет время и ответите за все.

Его мучитель с размаху, заученным приемом ударил ногой в грудь. От чего МЧС вместе со сидевшим стулом отлетел в сторону, больно ударившись головой об стену. Но сознание не потерял, боли тоже не чувствовал. Лишь сделал попытку встать, опираясь о пол закованными в наручники руками, сначала на один бок, затем встав на колени, спросил бьющих:

– Не пойму, зачем вам это надо?

– Вам же сказали зачем, наше дело заставить вас говорить, – мучитель среднего роста с округленной физиономией резко рванул его за воротник к себе и тут же головой боднул в лицо. От такого удара у МЧС искры полетели из глаз, нос, кажется, с хрустом расплющился в лепешку, из носа по губам теплой струйкой потекла кровь, голова слегка закружилась.

– Сними наручники, не будет же он с нами драться.

– У тебя ключ? Посади его на стул. – Один из истязателей, поддержав МЧС от падения, одной рукой вытащил из заднего кармана брюк ключи, поустойчивее усадил МЧС на стул, снял с него наручники и бросил их в угол.

После чего они около пяти минут били его нещадно, с садистским удовольствием, не задумываясь над тем, что станет с жертвой после. Мутузили спокойно, как на тренировках, словно это был не человек, а боксерская груша. Движения и удары были отточенные, выученные, видно было, что всё это им не впервой. Это были настоящие садисты-головорезы. Стало ясно, что живым они его не отпустят. Но им нужны были признания МЧС, и добиться их надо любой

ценой. Когда сознание вернулось к МЧС, пол вокруг него сплошь был залит кровью, у него все гудело от полученных зверских ударов, тело била дрожь, те зубы, что остались целыми, стучали. Рот был полон выбитых зубов с кровавой смесью, он попытался выплюнуть их. Губы опухли так, что невозможно было их разжать, глаза едва прорезывались сквозь сплошные кровавые подтеки. Он сделал слабую попытку встать.

– Смотри, еще живой, облей его водой, – раздался чей-то голос.

Тут же его голову и спину облили холодной водой, от чего дрожь в теле усилилась, но все же сознание к нему вернулось. МЧС предпринимал попытки встать, опираясь руками о пол. Подошли двое, взяли его подмышки и усадили на стул.

– Иди, позови шефа, пусть допросит, пока не отключился.

МЧС закрыл глаза, чуть откинул голову и так сидел. Ему вспомнился президент, его братья и дети. У него уже не осталось сомнений в том, что все это их рук дело. А то, что к нему за признаниями пришел сам могущественный Жакен, означало, для них он был очень важен. Что и сказать, опередили, гады, его на два-три дня. Если бы завтра маховик завертелся, то они ничего уже сделать не смогли бы, а к нему даже подойти бы побоялись... Все будущие дела, план отстранения Кибаевых от власти досконально обдумал и рассчитал МЧС; он упустил из виду лишь собственную безопасность, не думал, не гадал, что вот сам так попадетя им в лапы.

Президент – старший из семерых братьев в их семье. Следующий после него по возрасту брат по специальности был историком. Он умер, как только старший был избран президентом и начал осваивать государственные дела. Особо проявить себя не успел, разве что избирался депутатом горкенеша в родном городе, затем его председателем. Следующий брат Жакен работал в милиции, с помощью старшего был назначен первым заместителем службы национальной безопасности, но после неудачной авантюры с одним из лидеров оппозиции был отстранен. Но потом вдруг президент взял да назначил его руководителем собственной Службы охраны. Придя на новую должность, Жакен добился созда-

ния государства в государстве в лице Службы госохраны, увеличив число охранников с 250 до 850. Из бюджета страны для содержания СГО выделили огромные деньги, на которые были куплены оружие, средства для аудио- и видеонаблюдения; Жакен создал из бандитов-отморозков подотчетный лично ему так называемый «черный батальон». Сотрудники этого подразделения на работу являлись только для получения зарплаты, и, одному Богу, и конечно, Жакену было известно, чем они занимались в остальное время. По разным версиям и слухам, немало людей было покалечено и отправлено руками «черного батальона» на тот свет. Так же, по разным сведениям, костяк головорезов батальона составляли кавказцы. Возможно, они находятся и среди этих его истязателей. Кроме того, Жакен расширил полномочия и права СГО, частично прибрав к себе функции МВД и СНБ. К примеру, подчиненные Жакена имели право вести собственное расследование, оперативно-розыскные мероприятия, наружное наблюдение, арестовывать. Хотя такие права СГО в Конституции не были расписаны, президент, тем не менее, придал родному брату мощнейшую силу, поскольку страшился, что без него власть у Кибаяевых отберут. Отныне Жакен имел власть над судами, прокуратурой, милицией, финполицией, СНБ, контролировал их действия. Также его власть распространилась и на таможенную и налоговую службу. Однако собираемые этими структурами миллионы долларов напрямую к Жакену не шли. Часть податей без стеснения несут прямо в кабинет президента, остальное – двум президентским отпрыскам, младшему брату Абдылу. Этот и другой брат президента по имени Манат работают в МИДе, один из них курирует китайское направление, второй – европейское. Еще два младших брата живут в родном селе, один – глава сельуправы, другой – бизнесмен. Тоже не обделены, контролируют все, что по округу движется, правят как удельные князя, ведут кадровую местную политику. В этом семейном клане два сына имеют большое влияние и солидный вес. Старший из них, полковник Кибаяев – заместитель главы Службы нацбезопасности, в правоохранительных органах составляет как бы баланс со старшим братом Жакеном и контролирует тамошние дела. Младший сын Вадим, молодой и перспективный бизнесмен, контролирует крупные

инвестиционные проекты, банковский и финансовый сектор, а также осуществляет государственную политику через подконтрольные СМИ.

Измученному издевательскими побоями, едва не теряющему сознание МЧС эти два президентских отпрыска казались африканскими гиенами, рвущими падаль с разных сторон. Да и карта Кыргызстана в какой-то мере напоминала смертельно раненное и беспомощно лежащее на земле животное, в разные части тела которого впились клыками и рвали девять гиен. Если не считать периодические шакалы междоусобицы во время этой кровавой трапезы, гиены готовы вскоре съесть всю страну. Погруженный в свои пронзительные и страшные думы, МЧС на мгновение отключился от собственной жуткой действительности. Отвлеченный мыслями, он непроизвольно просвистел сквозь перебитые зубы:

– Уничтожат ведь, шакалы, страну, надо их остановить...

– Ого, вроде бы говорить начал, облей водой, пусть освежится.

Вылитая на голову ледяная вода вновь отвлекла МЧС от его дум и вернула в трагическую действительность – в полутемный холодный подвал. Он хотел было правой рукой стереть с глаз залипшую кровь, но перебитая рука повисла, не дотянув до лица. Судя по пронзительной боли, руку выбили из плечевой сумки. Наружной стороной левой ладони он кое-как все-таки вытер кровь. Один глаз совсем опух и не открывался. Лишь вытерев кровь, МЧС сумел разглядеть стоявших перед ним четверых в масках.

13 марта, пятница

Двадцать две минуты четвертого утра

Жакен с редковолосым напарником сразу поднялись в комнату на втором этаже. На столе посреди комнаты лежали найденные в «Лексусе» вещи, вынутые из карманов МЧС и Слепка телефоны, документы. Жакен поудобнее уселся на широкий кожаный диван и приказал:

– Дай его портфель.

Редковолосый из лежавших на столе вещей выбрал коричневый портфель и подал шефу.

– Пока я разберусь с портфелем, ты обшарь карманы курток, отдельно положи бумаги, остальное уничтожь, чтобы

ничего не оставалось, – сказал Жакен и приступил к осмотру находившихся в портфеле МЧС документов.

Он искал доказательства того, что МЧС готовил государственный переворот. И такой документ – «компру» он сегодня должен показать президенту. Иначе тот по привычке начнет вилять и убежать, мол, зачем все это натворили, что теперь скажут за рубежом, международная общественность и т.п. Но Жакену плевать было на мнение других, даже международного сообщества. Он должен сейчас и непременно решить свою задачу, обеспечив избрание своего брата-президента на очередной срок. Дальше видно будет. Россияне вроде бы одобрили, дав согласие на это. Они требовали закрытия и вывода американской военной базы, что и было удовлетворено. Тут дело не в самом выводе базы, а в принятии такого решения кыргызскими властями – насчет вывода базы в течение шести месяцев. Неважно, что американскую базу лишь переименуют в международный транзитный центр для Афгана. Россияне с этим тоже смирились и с янки сторговались. Даст Бог, продержится старшой еще на один срок, можно будет все заприватизировать, привести в порядок зарубежные счета, пристроить детей к серьезному делу. После чего отобрать нажитое у семьи никто уже не сможет. Уж потом можно под фанфары демократии великодушно соизволить передать власть кому-нибудь другому. Но сейчас, как воздух, нужен еще один президентский срок. Для чего Жакен готов пролить море крови, еще многим отрубить голову. Знал, что если отдать дело на откуп обычным выборам и дать волю народу, то они почти наверняка могут лишиться власти. Было ясно, что по отношению к Кибачевым народ настроен отрицательно. Посему Жакен достаточно нажужжал в ухо брату-президенту, что дело того – спокойно и уверенно сидеть в своем кресле и заниматься своими делами, казаться добрым и строгим хозяином страны, а об остальном позаботится он сам. Но если дело пойдет в противоположном направлении и их выгонят из власти, то он знал, что ответственность будет суровой, за натворившие за четыре года их правления дела братьев мало будет расстрелять без суда и следствия. Захват МЧС, его привоз в этот подвал и избивание было предпринято как раз в целях недопущения подобного поворота событий. Согласно имеющим-

ся у Жакена сведениям, МЧС принимает реальные меры для объединения всех оппозиционных сил в один кулак. Есть информация и о том, что тот нашел понимание и получил согласие на поддержку у ряда политических сил из соседних государств, Европы и Америки. Особо интересовали сведения о поступлении оттуда крупных денежных средств для финансирования оппозиции в стране. В таком случае МЧС благодаря своим организаторским способностям, авторитету среди народа, и особенно пользуясь влиянием на многих госслужащих, вполне может собрать мощную силу против существующего режима. Допущение такого хода событий для Кйбаевых по сути означало лишиться власти. Все это прекрасно понимали Жакен и другие его братья. Поэтому как только 12 марта вечером из Алматы сообщили о том, что МЧС там встретился с представителями очень влиятельных политических кругов и ведет с ними переговоры, Жакен приступил к выполнению своего изуверского плана, и решил, что пора ликвидировать МЧС. Хотя точное время возвращения МЧС в Бишкек было неизвестно, Жакен поручил своим самым надежным двум людям тенью следовать за его перемещениями, не терять его из виду, и сообщить, как только он выедет в сторону границы. Вскоре в десять вечера из Алматы было получено сообщение о том, что МЧС сидит в гостиничном кафе и беседует с журналистом. Услышав это, Жакен, подумал, что сегодня МЧС вряд ли выйдет в путь и лег спать. Но неожиданно в двадцать минут первого ночи, получив информацию о том, что МЧС из Алматы все-таки выехал в Бишкек и только что пересек Кордайский перевал, вынужден был приступить к форсированным действиям. Сразу связался с пограничным постом и приказал до получения дополнительных указаний задержать белый джип «Лексус» с определенными номерами. Затем собрал своих головорезов и объяснил им суть срочной операции. По замыслу Жакена, ни в коем случае нельзя пропустить МЧС в Кыргызстан, иначе завтра же начнутся необратимые и гибельные для них процессы, и они, Кйбаевы, утратят контроль над ситуацией. А положение было очень тревожное, Кйбаевы теряли последние капли авторитета в народе, очень много было недовольства и протестов, вполне допускалось, что при малейшем поводе народ поднимется и восстанет про-

тив них. Жакен все это прекрасно понимал. И сейчас, перебирая бумаги в портфели МЧС, думал лишь об одном – власть надо сохранить любой ценой. Единственно он боится народа. Было ясно, что если во всех регионах начнутся массовые протесты, овладеть ситуацией станет невозможно. Можно спокойно убрать десяток лидеров так называемой оппозиции, но невозможно силой подавить всенародное восстание при нынешнем международном контроле. Жакен и это тоже хорошо понимал.

13 марта, пятница **Половина четвертого утра**

Вошел человек без головного убора и маски. Хотя он был в камуфляже и без знаков отличия, МЧС сразу узнал его. Имени и фамилию не помнит, но много раз видел его рядом с Жакеном в качестве сотрудника Службы охраны президента, кажется, в чине майора. Тот положил сумку на стол перед МЧС и, подойдя к нему, сказал:

– Вопросы помните?

МЧС в нем по голосу узнал того, кто во главе людей в масках остановил их машину по дороге и схватил его вместе с Слепко. Редковолосый рыжеватый парень.

– Не понял, что вам от меня вообще нужно?

Редковолосый взял сумку, вытащил оттуда видеокамеру и, устанавливая ее на стол, повторил:

– Расскажите нам, для чего ездили в Алматы, с кем встречались, о чем был разговор. По сведениям, вы готовили государственный переворот, нам нужны полные сведения, имена и фамилии всех причастных к этому делу людей, кто они, их место жительства, откуда родом, где работают, особенно те, кто сейчас на госслужбе. Поняли?

МЧС мотнул головой:

– Никакого госпереворота не готовили, у вас с головой в порядке? – еле разборчиво, слабым голосом проговорил он сквозь выбитые зубы непомерно распухшими губами.

– Вот, камера включена, чтобы все было по порядку и документально, рассказывайте с самого начала.

– Я же сказал, никакого государственного переворота не готовили, в Алматы ездил по своим делам. Никакого отношения к вам они не имели.

– Как раз имели, потому мы у вас и спрашиваем. Наш долг – обеспечить безопасность президента, предупредить государственный переворот. Если вы не будете говорить, то разговорим вашего спутника, – сказал редковолосый, издевательски глядя на МЧС и скомандовал: – Приведите того!

Стоявший ближе к двери человек в маске вышел и вскоре привел за руку сгорбленного и осунувшегося Слепко, поставил его к стене рядом с МЧС. Наручников на Слепко не было, или их сняли заранее. Редковолосый, указав на МЧС, спросил у Слепко:

– Вы этого человека знаете?

От внешнего вида избитого МЧС у Слепко лицо побледнело, руки и ноги задрожали, и заикающимся тихим голосом он прошептал:

– З-з-наю. – Видно было, что он сильно напуган.

– Кто он?

– Это Медер Чомоевич.

– Этот человек является руководителем группы по подготовке государственного переворота?

– Не понял, какой переворот?

– Я спрашиваю, он ваш руководитель? – Редковолосый вновь спросил, угрожающе повысив голос. Слепко совсем упал духом и, опустив голову, ответил:

– Да.

После этого редковолосый, подойдя близко к МЧС, с засунутыми в карманы брюк руками нагнулся и, сощурился, сказал:

– Слышали, вот ваш напарник подтверждает, что вы являетесь руководителем группы по подготовке госпереворота.

– Он так не говорил, нет оснований для этого. – МЧС по возможности пытался раскрыть здоровый глаз и посмотреть редковолосому прямо в глаза. – Не понимаю, какие у вас цели.

– Ничего, байке, не говорил, так заговорит, – Редковолосый резко повернулся в сторону Слепко и угрожающе рыкнул на него:

– Скажи, что вы готовили!

– Мы разрабатывали перспективные экономические стратегии, думали над тем, как лучше развивать экономику государства, такая у нас цель.

– Ха-ха-ха... – Редковолосый расхохотался. – Говорил же я, вы планировали, какую государственную политику вести после свержения государственной власти. Зря вы, Медер Чомоевич, упрямитесь. Повторяю, нам нужны все подробности алматинских переговоров. Итак, продолжайте, с кем и о чем разговаривали, какие у вас планы, мы все равно узнаем, возможностей для этого достаточно.

– Повторяю, ездил по своим делам, которые к вам никакого отношения не имеют, позовите Жакена, я ему то же самое сказал.

– Тогда вы немножко передохните, мы займемся вашим другом, он, видимо, лучше вас говорит, с ним и побеседуем.

Редковолосый махнул рукой в сторону Слепко, и тут же стоявший возле него человек в маске резко ударил Слепко в живот. От сильного удара Слепко согнулся пополам, упал в согнутом положении на пол и отключился.

– Понеже, остолоп, убьешь, это тебе не боксерская группа, – упрекнул редковолосый и, нагнувшись, взглянул на безжизненное тело Слепко, продолжая укорять подчиненного: – Нельзя так бить дохлого старикашку, давайте, приведите его в чувство.

Четверо сначала привели Слепко в чувство, затем изрядно поработали над ним, выворачивая ему руки, перебили нос, били по почкам. Его душераздирающие крики, тяжелое прерывистое дыхание отбитыми легкими, протяжный стон тяжело отдавались в ушах МЧС, сердце его разрывалось от зверств мучителей. Он попытался было остановить их, приговаривая: «Прекратите, он тут ни при чем, случайно оказались вместе», но никто его не слушал. Слепко все время твердил, что о планах якобы свержении президента ничего не знает, занимался лишь анализом экономических материалов, работал над перспективной программой по данной отрасли, и что сам президент в курсе его деятельности. Затем окончательно потерял сознание и перестал шевелиться.

– Неужели старик отдал Богу душу? – сказал один из истязателей в маске, и для верности ударил Слепко ногой в область почки, после чего раздался еле слышный стон: «О-о-х-х».

– Живой, – сказал редковолосый и, обращаясь к МЧС, сказал: – Из-за вашего упрямства страдает невинный чело-

век, возможно, вы станете причиной его смерти. Если вы заговорите, то его участь облегчилась бы, он не стал бы вот так страдать. Ну, скажите, кто присоединился к вам, есть ли среди них акимы, министры, губернаторы? Не то у этого вашего напарника-русского начнем отрезать пальчики, затем уши и нос. И как вы спокойно на это будете смотреть? Вы станете виновником его страданий.

МЧС молчал, на память вновь пришли гиены, окружившие падаль и рвущие ее тушу на части, вонзая в нее острые клыки. Затем видение перешло в картину, где страна выглядела, как туша мертвого животного, и ее рвали на куски несметное число гиен и шакалов. Все это делалось, как это ни противоестественно, с опорой на главу государства, с использованием его власти, руками президентских братьев и сыновей, которые, подобно гиенам-шакалам, терзали, рвали на части живое тело государства. Оставшееся после их кровавого пира доставалось стервятникам и воронам помельче. В глазах МЧС нынешний руководитель администрации президента Арданиев и секретарь Совбеза Хамадаев предстали стервятниками. От такого удачного сравнения МЧС про себя чуть ли не прыснул. Он вдруг очень пожалел президента, представив себе его жалкую и беспомощную натуру. Он пришел к власти точно так же, как и Шерали в Кокандском ханстве в прошлые века. Разница была лишь в том, что если Шерали обзывали «ботвоедом», то Кибаева – «мантоедом». Шерали прямо с гор спустил, привел за руку и посадил на ханский трон Нусуп-батыр, а Кибаева, жвавшего манты, привели в Дом правительства и усадили в кресло президента современные батыры во главе с Азимбеком. Подобно тому, как придворный Шады исподволь подорвал власть Шерали-хана изнутри, точно так же сегодня президентскую власть дискредитировал его ближайший советник, старый шакал Кусен Сыдыков, который, постоянно наплетывая на ухо Кибаеву, добился ухода из администрации ряда патриотов-государственников. И не только. Опытный шакал в большой политике, Кусен-ака (так его звали в окружении президента, «Кусен» означал выдру) устраивал всякие гонения на ушедших, и внес свой громадный вклад в формирование нынешней грязнейшей политики. В политической борьбе он применял басмаческие приемы и способы, создал

специальные группы из числа бой-баб со звериным нутром, впоследствии прозванные ОБОН (отряд баб особого назначения), которые успешно применял везде, где требовалось психологически унижать и ломать противников. В результате такого, творимого в окружении президента беспредела и создания мафиозной среды, в этот зияющий вакуум, словно шакалята нового поколения, ворвались президентские братья и детишки, начали устанавливать собственные порядки, и устроили себе безбедную жизнь без каких-либо нравственных тормозов. Все это народ видел и качал головой. И подумалось наивному простолюдину, что «добрый президент» не в курсе того, что творят за его спиной родичи и сыновья. МЧС президента представил себе бедным, беспомощно одиноким, потому что тот, наоборот, все это прекрасно знал, но не в силах был остановить беспредел собственного чада и родичей, его власть на них не распространялась.

По сей день ходит притча о том, что когда президент только начал властвовать, ему стали говорить, что его младший сын Вадим «чересчур активно вмешивается в передел лакомых объектов, скажите ему, пристыдите его, иначе ваше имя будет запятнано». В то время Кибаяев еще считался с общественным мнением и опасался последствий негативных отзывов о нем. На этой почве он попытался было сунуться к Вадиму со своей моралью, мол, сынок, нельзя так, негоже нам повторять те же ошибки предыдущей власти, помни, за что народ возненавидел бывших. Но Вадим отрезвил его, сказал, как отрезал: «Папа, не встревай в мои дела, сам знаю, что делать, а ты правь своими «чукчами» и с ними водись». С того момента первая жена президента и двое его сыновей стали сами себе хозяевами. И перешли к стержневой тактике: пусть батя-президент делает, что хочет и живет со своими женами-кыргызками, детьми от них и братьями по своему уразумению, а мы будем думать о своем, заботиться о себе, копить, и приумножать на будущее; затем накопленное вывезем и разместим за бугром – раз судьба дает нам такую возможность, ею надо воспользоваться сполна. У двоих детей от старшей жены-еврейки напрочь отсутствовало понятие нации, традиций кыргызчылыка, им было по барабану, что о них, семье и президенте подумают в народе, так как жена по национальности была еврейкой, и буду-

щее свое видела вне Кыргызстана. Посему на эту страну они смотрели как на временное пристанище, наживу, площадку для накопления богатства и создания достатка. Видя, с какой алчностью набросились президентская жена и отпрыски на оставшееся от предшественника богатство, братья тоже не сидели сложа руки. Едва Кйбаев надумает приструнить их, те отвечали, мол, угомони сначала своих детей. Отсюда сложилась печальная реальность, когда президент лишь в глазах непосвященного в истинную атмосферу внутри президентской семьи выглядел как вершитель власти, а в действительности вся полнота власти перешла в руки его родни. Они решали все – какой закон, указ и постановление в стране принять, какую должность кому давать. От безысходности своего жалкого и никчемного положения бедняга Кйбаев начал спиваться, после чего, наутро шел на службу с мешками под глазами, а народ думает, что это у него из-за бессонных ночей от трудов праведных во имя государства и народа, или же с почками не всё в порядке. Хотя причина одна – водка. После водки остается одна-единственная отрада – молодые жены-токолы и девушки, которых он стал частенько навещать. Можно сказать, что собственные чада и родичи для Кйбаева наслаждение властью отныне ограничили лишь телесными утехами. А власть целиком прибрали к собственным рукам. Знал бы народ все это, никогда бы за Кйбаева не проголосовал. Ведь получалось, что люди голосуют не за президента, а за окружающих его ненасытных шакалов, тем самым продлевая еще на пять лет их грабеж и кровавый пир. Переизбрание Кйбаева означает по сути продление тирании жесткого чудовища.

Вот о чем думал МЧС в эти тяжкие для себя минуты. Эх, знал бы, на кого работал, чью власть укреплял все эти три года; даже всего за месяц он сумел создать мощную партию, которая на последних выборах под его личным руководством сумела нахрапом отобрать подавляющее большинство мест в парламенте. Надеялся, что с помощью партии сумеет изменить политический климат в стране в лучшую сторону, сумеет ограничить влияние и власть братьев, и самая многочисленная партийная фракция сослужит добрую службу. Но все это оказалось детскими грезами. С помощью той партии в Жогорку Кенеш провели денежных холуев, бандитов-гра-

бителей. Проведенные им в парламент полтора десятка депутатов никакого влияния на политику не оказывали, а кое-кто из них, наоборот, перешел на службу к братьям. Таким образом, Жогорку Кенеш из высшего законодательного органа превратился в орган, призванный легитимировать творимый членами новой Семьи беспредел, возведенный в ранг государственной политики. Проходили лишь законы, обслуживающие чьи-то личные интересы. Обо всем этом МЧС не единожды говорил президенту, но тот его не слушал, боялся гнева братьев и чад, опасался их прессинга, крутил и так, и сяк, начинал нести откровенную чепуху: «Ну, потерпи, Медер, немножко, потом все расставим по своим местам, они ведь тоже насытятся, поднакопят на жизнь и успокоятся. Начнут работать на государство, не вывезут же отсюда все». Ладно бы, если так, в конце-то концов, кто-то должен быть хозяином этих крупных фирм, компаний, заводов и фабрик. Пусть владеют Кибяевы, лишь бы на государство работали. Но те пошли дальше: начали рейдерствовать и отбирать готовый бизнес, магазины, рестораны, кафе, базары других. А тех, кто артачился и упрямствовал, попросту убивали. Как можно терпеть такое? Ведь нельзя же так, чтобы все, что виднелось и двигалось, обязательно принадлежало семье.

МЧС вынужден был обо всем этом откровенно говорить президенту: так государство строить нельзя, в государстве должна быть власть закона, а не закон власти, вдобавок ко всему, по сути, государством правят не госорганы, а президентские братья и сыновья. И заключил: «Берите же власть в свои руки, избавьтесь от влияния родичей».

МЧС в качестве доказательств показал президенту бесчисленные жалобы и иски многих предпринимателей, лишившихся по воле Семьи бизнеса и предприятий. И наивно предполагал, что тот, увидев все это, по-хорошему разозлится, ударит, наконец, кулаком по столу. Тогда МЧС еще не знал, какой президент в действительности лох и трус, безвольный, все еще верил в него, в то, что тот в конце концов проявит мужество и волю, укажет близким на их место. Лишь после двух-трех лет совместной работы с ним он окончательно осознал всю тщетность своих надежд. И убедился в том, что президент никогда не поставит интересы государства и народа выше интересов братьев и детей.

Убедившись в этом, в начале года МЧС вынужден был уйти в отставку по собственному желанию. Сожалел, что участвовал в становлении и укреплении такой кривой власти. Затем пришел к выводу, что лучше поздно, чем никогда, надо выправить эту кривизну и вернуть страну на правильный путь. Он с головой окунулся в романтический мир поиска утраченной было справедливости, беседовал, советовался с именитыми личностями, прислушивался к мнениям зарубежных экспертов и в итоге решил приступить к открытой политической борьбе. И как назло, когда был в шаге от претворения самых смелых и честолюбивых планов, так нелепо оказался в лапах злейшего и главного врага! Что же, сам виноват, пренебрег советами, настойчивыми просьбами друзей и доброжелателей быть поосторожней, заботиться о собственной безопасности. И вот результат. Ну, почему он не обратил внимание хотя бы на подозрительное поведение пограничников? Чувал же, что им дается указание специально задерживать его, придираяться к мелочам. Или – внезапное отключение связи. Ему бы тут же повернуть назад, к казахским пограничникам и связаться с генералом Тайнуриным, он бы вмиг примчался с вооруженной охраной и повез его со спутниками обратно в Алматы в надежное место. Эти мысли терзали его даже больше, чем садистские истязания.

Раздумья МЧС прервал душераздирающий крик Слепко. Кое-как приподняв голову, МЧС увидел лежащего чуть поодаль и плачущего от боли бедного Степаныча. У того все лицо было в крови, седая бородка с клинышком тоже измазана кровью. Шестидесятилетний пожилой человек надрывно плакал, как ребенок. Один из пленивших их – человек в маске – выворачивал и ломал Слепко пальцы. Погруженный в тяжелые и глубокие думы, МЧС не помнил и не расслышал, какие вопросы Слепко были заданы и что он на них отвечал. Все происходящее было, словно в тумане, и запомнились лишь отрывки. Увидев внешний вид Слепко, МЧС лишний раз, теперь уже окончательно осознал, что живыми им троим отсюда не выйти. Но страха почему-то не было, наоборот, успокаивало то, что раз его пытаются зверски, не щадя, значит, своего они не добились. Обратившись к редковолосому, МЧС сказал:

– Вы что, как фашисты, в чем его вина? Он ничего не знает, случайно со мной оказался... – МЧС старался как можно четче выговаривать слова, но, не закончив фразу, сполз со стула и упал, потеряв сознание.

У редковолосого нервы сдали, его тоже охватила дрожь и он заорал:

– Да снимите свои маски, они вас уже не узнают, и больше никому ничего не скажут! Приподнимите его и приведите в чувство, сейчас шеф придет.

13 марта, пятница

Сорок пять минут четвертого утра

Сознание вернулось к МЧС, при дыхании нестерпимо болело в правом боку – похоже, ребра поломали. Правая рука все так же не поднималась, ужасная боль была ниже плеча. Возможно, еще и оттого, что лежал он на этом боку, но болело сильно. Попытался было встать, но не смог. Послышались шаги входящих. Это были Жакен и редковолосый. Последний, кивая на МЧС, скомандовал:

– Усадите его!

Двое, взяв МЧС подмышки, усадили его на стул. От резких рывков, дерганий у него в глазах заискрилось, но, стиснув зубы, он приглушил стон. Гордость не позволяла МЧС стонать перед Жакеном. Его истязатели сняли маски, оставшись в вязаных шапочках, которые, тем не менее, опустили до самых глаз.

– Как делишки? – обратился Жакен к МЧС. – Плохи дела у твоего стратега? – сказал он, кивком указав на Слепко.

МЧС смолчал и, чуть повернув голову, посмотрел в сторону Слепко. Тот лежал ни жив, ни мертв, вполоборота ничком, дыхание у него не прослеживалось.

– Вот так, дружище, говорил тебе, что твой черед наступит, думаешь, зря, что ли, присылал тебе пальчик и ухо? В том был тебе знак, предупреждение: сие означало – надо будет, и отрублю тебе ухо, руки поломаю. Вот и настал такой момент. Думали, власть – это шутка? Что Кибаевы просто так ее отдадут? Отдадим, когда надо, и то – если захотим, но сперва головы всем вам поотрубаем. Думали, власть можно отобрать просто так? – Жакен вытащил сзади, из-за брюк пистолет и выстрелил в колено МЧС. От резкого звука

выстрела в комнате запахло пороховой гарью. МЧС лишь коротко вскрикнул и здоровой левой рукой схватился за колено, упал, из простреленного колена кровь хлынула на пол. Жакен подошел и выстрелил во второе колено МЧС. У того сил не осталось на крик, он лежал, лишь стиснув зубы. Из глаз его потекли горькие слезы.

– Усадите его и придержите, чтобы не упал, –скомандовал редковолосый палачам. Те вновь усадили МЧС на стул и встали с двух сторон, придерживая пленника за плечи.

– Медер, я тебя предупреждал, чтобы ты мне поперек дороги не вставал, не то уберу тебя, было такое?

– Да пошел ты... – МЧС смачно послал его крепким русским матом и сквозь щелочку единственного здорового глаза посмотрел-выстрелил ему прямо в лицо. И процедил: – Ваши дни сочтены, одного убьете, другого, третьего, но всех не перебьете, шакалы...

Жакен засмеялся, но как-то странно, будто кому-то подражая. Недаром в его кабинете видели фотографии Сталина, Берии, Гитлера, Муссолини. И, возможно, сейчас он смеялся, картинно подражая киношному Берии. Действительно, Жакен любил воображать и представлять себя диктатором. Считал совершенной случайностью избрание старшего президентом, себя считал и видел главным наследником президентского трона. Для чего через газеты организовал дутые рейтинги, согласно которым, самым достойным среди претендентов на высший пост, разумеется, оказывался он сам, Жакен Кибаяев. Хотя, в действительности в народе его авторитет был равен нулю, много плохого за ним значилось, но многие боялись его бездумной жестокости и считали, что этот человек способен на все.

Омерзительно хихикая, Жакен подошел к МЧС и схватил его за ухо:

– Говорил же я тебе, ухо отрежу.

МЧС хотел левой рукой защититься от него, но стоявший рядом головорез схватил его за запястье и вывернул руку назад.

– Жакен-ака, вот он вас фашистом называет, давайте ему, как в кино, под ногти загоним иголки, посмотрим, как тогда говорить не захочет, – заверещал стоявший позади парень в камуфляжной форме.

– Давай, ухо никуда не денется, подождет, загоняйте! – приказал Жакен и, отойдя назад, сел на стул, затем обратился к редковолосому:

– Принеси-ка чаю!

Тот угодливо запищал:

– Бегом, зеленого чаю, не забудьте иглы захватить, плоскогубцы тоже, – приказал редковолосый тому, кто придумал истязание иглоками.

Тот быстро, бегом поднялся наверх и так же быстро вернулся, принес целую пачку булавок разных размеров, за ним спустился другой в военной форме и с подносом в руках. Вскоре перед Жакеном на столик поставили белый фарфоровый чайник со свежесваренным зеленым чаем и пиалы.

– Вот иголки, немцы тоже у партизан с помощью иглока языки развязывали, чем мы хуже немцев? – зубоскалил головорез, довольный проявленной инициативой.

– Колите! – скомандовал Жакен.

Он ожидал, что МЧС начнет кричать, умолять остановить экзекуцию. И был зол на то, что когда выстрелами из пистолета раздробил колени МЧС, тот не закричал, как того Жакену хотелось. Он сел за столик, налил себе чаю и стал пить мелкими глотками в ожидании продолжения изуверского метода выбивания признаний.

– Давай, поживее, знаешь, как протыкать надо?

– Что тут такого, надо под ноготь тыкать и все.

– Э-эй, не так, там есть нервные болевые точки, туда и колоть надо.

Глумившиеся над избитым и беспомощным МЧС головорезы всем скопом, словно шакалы на жертву, навалились на него, вывернули ему руки и начали втыкать иголки под ногти. МЧС уже было все равно, он знал, что судьба его предрешена, и думал лишь о том, как с честью умереть, боли в простреленных коленях он не чувствовал, наверное, находился в состоянии болевого шока. Внезапно он все-таки почувствовал острую боль под ногтем большого пальца – это изверги начали протыкать его концами булавок, причем медленно, чтобы дольше болело и чтобы усилить болевой эффект. МЧС из последних сил старался не застонать, он не хотел пасть ниц перед Жакеном и крепился что было мочи. Сам себя настраивал на это.

– Ох-о, та-ак, кажется, в кино партизанам языки так развязывали, давайте, еще глубже, пусть мать родную вспомнит.

– Наверное, иголки мелкие и оттого не болит. Может быть, поищем потолок? Видишь, не действует, не стонет, – переговаривались между собой изверги, удивленные стойкостью МЧС.

Булавками начали протыкать плоть под каждым ногтем, некоторые из игл порою доходили до болевых точек, и тогда нестерпимая боль пронизывала МЧС до мозга костей. МЧС выдернул руку, но державший его мучитель силой вывернул большой палец, раздався хруст сломанного сустава. МЧС вновь потерял сознание и обмяк, голова его упала на грудь. Из обоих простреленных коленей на пол струйками стекала кровь.

– Как бы не подход от потери крови, остановите кровь, наложите жгут выше колен, – скомандовал Жакен стоявшему рядом редковолосому.

Тот кивнул, и один из головорезов принес два мотка шпагата. МЧС разорвали штанины и ноги выше колен туго обтянули шпагатом. Кровь вроде бы остановилась. Кости коленного сустава были раздроблены пулями из пистолета, ноги беспомощно болтались, при каждом подергивании тела МЧС слышен был хруст переломанных коленных костей.

– Приведите его в чувство, дальше с ним сам поговорю, – сказал Жакен и вышел.

Парни принесли два ведра воды и из ковшика стали поливать его голову. Цементный пол был залит смесью крови и воды. Через некоторое время МЧС простонал и вроде бы пришел в сознание.

13 марта. пятница

Четыре часа утра

МЧС приоткрыл глаза и увидел залитый кровью и водой пол. Слепко лежал без движений, лицом к стене, одна рука у него была подложена под голову, другая лежала вдоль туловища как-то неестественно, вывернутая далеко назад.

«Прикончили, гады», – подумал МЧС.

Его самого двое удерживали за плечи, колени и пальцы рук распухли и посинели, болели ужасно. Правая рука висела плетью, он хотел было приподнять левую, но увидел в

ней воткнутые под ногти каждого пальца булавки с круглыми головками, на кончиках пальцев сгустилась кровь. Со стороны дверей послышались голоса, и в комнату зашли Жакен с редковолосым. Увидев МЧС, Жакен произнес:

– Очухался, вот и хорошо. А то, некогда с тобой цацкаться, времени в обрез.

Жакен подошел и стал перед МЧС. Редковолосый поворочал на стоявших у дверей двоих:

– Могли бы вытереть пол, охламоны.

Жакен поглядел на пол и сказал:

– Ничего, успеют потом. Принесите утюг, я его живьем жарить буду, заговорит как миленький.

Принесли утюг и воткнул вилку в розетку рядом с Жакеном.

– Включи на всю мощность, чтобы быстрее разогрелся.

– Сейчас, быстро разогреется.

Жакен взял раскаленный утюг и наложил на правое колено МЧС. В комнате запахло жареным. МЧС, стиснув зубы, еле слышно простонал, горячие слезы текли из его окровавленных глаз и смешивались с кровью.

– Тебе власть нужна, вот тебе власть! Вот тебе твоя политика, вот! На тебе, на, наось, выкуси! – Жакен, словно сумасшедший, прикладывал утюг везде, где попало, на тело МЧС. Лицо, голова, руки и ноги, живот, грудь у того распались, обуглились от прикосновения раскаленного утюга, комната наполнилась запахом жареного мяса, дышать стало невмоготу. Только тогда Жакен приостановил садистскую экзекуцию и, тяжело дыша, прошипел:

– Дайте мне нож, нож подайте.

Стоявший позади него вытащил из ножен на пояском ремне большой охотничий нож и подал. Жакен отдал тому утюг и взял у него нож, острием приподнял подбородок МЧС и сказал:

– Медер, ты меня слышишь?

МЧС слабо приоткрыл глаза и еле заметно кивнул. Но молчал.

– Я тебе обещал отрезать ухо, – произнес Жакен. Затем левой рукой схватил правое ухо МЧС. Внимательно понаблюдал за его реакцией. МЧС закрыл глаза и все так же молчал. Тогда Жакен со всей силой потянул мочку уха к себе и начал резать его под корень. Кровь пошла фонтаном и

потекла вниз, по щеке МЧС. Жакен с садистским удовольствием срезал ухо и сказал:

– Высушу и сделаю из него прекрасный сувенир, другим в назиданье, пусть знают, какая участь ждет всякого, кто посмеет мне дорогу перейти.

МЧС, собрав последние силы в кулак, приподнял голову и, глядя в глаза Жакена, сказал:

– Думаешь, сломил меня? Ошибаешься, таким, как ты, шакалам никогда чужую волю не сломать. Вы только властью сильны, а без нее, вы – ничтожество, сами ни говна сделать не можете!

– Ты же видишь, кто из нас чего может. Вот ты, что сейчас можешь сделать? Где твой друг Тайнурин? Ничего он тут сделать не сможет, пусть у себя хозяйничает и покажет себя, а в наши дела не вмешивается.

– Этим дело не кончается, как я сказал, ваши дни сочтены. За вами пустота, никто за вами не идет, вечно держать народ в страхе невозможно, не сегодня, так завтра вас прогонят и уничтожат, как шакалов.

Жакен бросил отрезанное ухо на стол и, быстро обойдя МЧС, схватил того за другое ухо. Его руки дрожали, от напряжения его лицо побагровело. Быстрым движением он срезал другое ухо под корень. Затем скомандовал:

– Хватить слушать его чушь, кончайте. Два уха упакуешь и принесешь мне, – приказал редковолосому. Он был доволен тем, что отомстил МЧС, собственными руками отрезал ему уши, оттого почувствовал себя великим и всемогущим.

Как только Жакен вышел, один из державших МЧС за плечи взял его одной рукой за подбородок и другой – свернул ему голову. Раздался хруст у основания шеи, тело МЧС обмякло и упало на пол.

В ближайшей мечети раздался заунывный голос муэдзина, читающего предрассветный намаз: Аллоху – акбар, аллоху – акбар...

13 марта, пятница

Двадцать минут пятого утра

Жакен зашел в туалет на первом этаже, тщательно вымыл руки с мылом, взял висевшие на вешалке у входа кепку и куртку, и вышел во двор. Стояла утренняя свежесть, и

он глубоко вдохнул свежий воздух. Руки и тело мелко дрожали, сердце часто стучало. Он думал над тем, к чему может привести только что содеянное, боялся последующего шума и недовольства, возмущения в обществе. Но в сравнении с возможной потерей власти и последующей ответственностью за все творимое в стране шумиха вокруг смерти Садырбекова казалась ерундой. Как-никак ликвидировал главную опасность, исходившую от МЧС, хотя первоначально его уничтожение в планы не входило. Но он на это решился. Позавчера был звонок из Алматы, оттуда сообщили, что «Садырбеков является одной из крупных политических фигур в Казахстане, там он встречался со стоящим за многими темными делами генералом Тайнуриным, с ним переговоры идут предположительно о политической ситуации в вашей стране, и, согласно принимаемым здесь решениям, дни нынешней власти в Кыргызстане, похоже, сочтены. Это представляет большую опасность для нашего общего дела, надо предпринять срочные меры, иначе ситуация может выйти из-под контроля». Сомневаться в правдивости информации не приходилось, так как источником являлся находящийся в тесном контакте с Терезовским сотрудник-оборотень российской разведки в Алматы. По его данным, Садырбеков в последние месяцы тайно встречается с лидерами оппозиции, представителями интеллигенции, аксакалами, молодежью, бизнесменами и ведет с ними тайные переговоры. По сведениям некоторых источников, речь в них шла в основном об объединении сил против нынешней власти, организации на протяжении года массовых политических акций, чтобы таким путем вынудить президента отказаться от власти. Жакен знал, что Садырбеков организационные дела в основном завершил и теперь близок к решению вопроса привлечения внешних финансовых и других ресурсов. В такой ситуации в случае начала намеченных Садырбековым дел, остановить ход событий стало бы невозможным. В народе сторонников и поддерживающих Кйбаевых было очень мало, большинство было недовольно и возмущено. Тогда начатые Садырбековым мероприятия подлили бы масла в огонь. Напуганный такой перспективой, Жакен думал встретиться на границе с МЧС и на определенных условиях с ним сторговаться. Но его люди сообщили, что Садырбеков на границе стоит толь-

ко с одной машиной, рядом с ним русский и водитель, больше людей нет, а телохранителей МЧС сумели задержать при выходе, у всех телефоны поставлены на блокировку, и они ни с кем связаться не могут. Узнав об этом, Жакен срочно поменял первоначальный план и дал команду задержать Садырбекова сразу по пересечению границы, по возможности без шума и свидетелей.

– Сам виноват, приступает к таким большим делам, а о себе не подумал, мог же позаботиться о собственной безопасности. Такова судьба слабых, сильные их побеждают, и правда на стороне сильных, – приговаривал он себе и пытался этим себя успокоить. Затем, воодушевленный своим заключением, принялся размышлять о дальнейшем.

Первым делом наутро надо срочно переговорить с депутатами, особо проконтролировать тех, кто в Жогорку Кенеш прошел через Садырбекова, кого надо – припугнуть, кого надо – подкупить, главное, чтобы шуму не поднимали. Второе, это его земляки. Надо выяснить, кто из них посмелее и борзее. Самое страшное – это его казахские корни. Если оттуда шум поднимется, то он даже не знает, что делать. Что касается народа, то он особо не поднимется, оппозиция для организованных акций в таком масштабе еще не созрела. Но как бы там ни было, правильнее будет принять экстренные меры. Как только ребята с этими двумя разделаются, надо как можно раньше известить президента. Он, конечно, возмутится, но выхода у него нет, дело уже сделано и события назад не повернешь. Здесь он подумал о своем родном брате-президенте, о том, какой же он жалкий бедняжка, как добился всего лишь умелым подхалимством и скрытностью. Если бы он, Жакен, не контролировал и не держал всех в своих жестких руках, братан бы давно отдал власть при первом же нажиме оппозиции, и сам бы сидел, распустив сопли. Вспоминая, какое ничтожество представляет собой старший брат, Жакен выругался. Вспомнились митинги оппозиции двухлетней давности. Тогда власть чуть было не ускользнула от них. Братан-президент задрожал, со страху запил, Жакен с племянном Вадимом потребовали от него принять жесткие меры, а если тот боится, то они вдвоем были готовы вывести своих людей и драться с митингующими до последнего, при надобности и стреляться, и власть

так просто они не отдадут. Братан умолял их этого не делать:

– Подождите, сам найду выход, сейчас работают премьер-министр Курнамысов и торага Жогорку Кенеша Ултанов, обещали что-нибудь придумать, вам нельзя встречать, в противном случае мы совсем пропали, у нас нет авторитета, чтобы выступить против народа, и политического ресурса тоже нет, – сказал Кибаяев чуть ли не плача.

В тот раз кое-как выкрутились, Кибаяев подписал новую Конституцию, и ее текст вынесли к митингующим, а те попались на крючок и разошлись. Не прошло и месяца после этого, как они по одиночке приманивали лидеров оппозиции к переговорам, и таким образом сумели посеять среди них недоверие и раздор. Депутатов подкупили, сварганили еще одну Конституцию, а первоначальный ее митинговый вариант-приманку свели на нет. Вот так удалось в тот раз спасти семейный режим.

Когда оппозиция вновь объединилась и начала по новой душиТЬ брата-президента, придумали еще одну хитрость. Сделали вид, будто подчинились требованиям оппонентов, предложили им пост премьер-министра, осуществление конституционной реформы по их желанию, и лидера оппозиции назначили главой правительства. Одновременно генералу Курнамысову дали два с половиной миллиона долларов, вырядили того в оппозиционера, добились объединения вокруг него ряда оппозиционных сил, в апреле устроили митинги якобы с целью свержения власти Кибаяева. Но в решающий момент оппозиция вдруг разделилась на два противостоящих лагеря, между которыми возникли трения и разногласия, переросшие в противостояние. После той провокации Курнамысова вышедших на центральную площадь людей разогнали силой, митингующих избили и вроде бы здорово припугнули, чтобы те больше не вздумали выходить. С тех пор прошло два года, но народ вновь неспокоен. Если вновь начнется буча, то ситуацию удержать будет очень трудно, и Жакен это хорошо понимал, поэтому пришлось самому взять инициативу в руки, убрать Садырбекова с пути навсегда. По замыслу Жакена, другого пути спасения власти нет, сейчас пусть даже если придется идти по колено в крови – но власть надо сохранить любой ценой.

13 марта, пятница

Двадцать две минуты пятого утра

Редковолосый вышел вслед за Жакеном, затем быстро вернулся с маленькой картонной коробкой и целлофановым мешочком в руке. Лежавшие на столе уши осторожно, кончиком пальцев положил в коробку, закрыл ее и вложил мешочек. Затем, кивнув в сторону лежащих тел МЧС и Слепо, обратился к подельникам:

– Как их отсюда вытащим, вся комната в крови – и по пути испачкаемся?

– Сейчас, пол вытрем, их – в полиэтиленовые мешки, и так вынесем.

– Давай-давай, ребята, поживее! – поторопил редковолосый, сам вышел во двор.

Там стоял Жакен. Редковолосый подошел к нему и показал пакетик:

– Это положить в машину?

– Да, положи и скажи ребятам, чтобы сожгли так, чтобы следа не оставалось. Потом, как договорились, инсценируйте автокатастрофу, будто бы упали от столкновения под откос. Чтобы ни одна живая душа не знала, с экспертами завтра поговорим, те сделают нужные заключения. Оперативники тоже будут предупреждены. Вы должны сработать быстро и четко. А папки с бумагами, телефоны тоже положите в мою машину.

– Есть, у нас все готово, напалм приготовлен, так полыхнет, что ничего не останется.

– Это очень важно, сам понимаешь. Возможен международный скандал, неизвестно, как наши же люди завтра заговорят и поведут себя. Постараемся всех загасить и задавить. Но, лишняя осторожность не мешает, так что эти твои ребята должны замолчать навсегда. Из Токмока звонили и сказали, что те двое уже замолчали. Ничего не поделаешь, так надо, чтобы самим спастись.

– Не беспокойтесь, товарищ генерал, все будет сделано как надо. Всех, кроме ваших двух ребят, успокоим навсегда, – ответил редковолосый, указав на водителей двух стоящих во дворе машин.

– Эти надежные, свои ребята, я имею в виду тех шестерых.

– Понял, товарищ генерал.

– Ладно, тогда я поехал, позвони, как только все сделаешь.

Жакен на машине сразу выехал в город. Его охватила всё усиливавшаяся тревога по поводу возможного хода дальнейших событий. Терзали вопросы: где и как прорвет? Кто шум поднимет? Какая реакция последует со стороны казахов?..

13 марта, пятница

Половина пятого утра

Из подвала вынесли завернутые в полиэтиленовые мешки тела МЧС и Слепко и положили в «Лексус».

– Где водитель?

– В сарае.

– Приведите его! – приказал редковолосый и, вытащив из кармана брюк пистолет, приготовился. Один из головорезов взял сидевшего в сарае парнишку за шиворот, выволок и подвел к «Лексусу».

– Усадите его спереди, на свое место! – приказал редковолосый, помахав пистолетом. Как только паренек уселся на свое место у руля, редковолосый приставил пистолет к его правой подмышке и нажал на курок. Парень, не успев даже вскрикнуть, лишь выпучил глаза и обмяк.

Со двора выехали две машины и поехали вверх, в сторону ущелья: впереди джип «Тойота», за ним белый «Лексус».

– Останови здесь! – скомандовал редковолосый водителю, и вышел сам. Рукой показал водителю подъехавшего следом «Лексуса», где остановиться:

– Здесь, поближе к обрыву.

«Лексус» подогнали в нужное место, положили тела МЧС и Слепко на заднее сидение. Неподвижное тело водителя прислонили к правому стеклу.

– Где напалм, обрызгайте тела, чтобы быстрее загорелись. Ничего целого не должно оставаться.

Специально приготовленным напалмом обрызгали тела убитых. Также еще положили приготовленные целлофановые мешочки с бензином – рядом с телами, под сидениями, в углы машины, и так напичкали весь салон «Лексуса».

– Та машина готова?

– Да, стоит выше и ждет звонка.

– Знает, что и как делать?

– Знает, ему было дано задание своей машиной ударить и столкнуть стоящий на обочине белый джип в обрыв. Затем он позвонит в милицию и сообщит о ДТП, признает себя виновным.

– Ладно, палите!

– Э-э, этот русский вроде живой, постанывает.

– Куда он денется, палите, вам говорят, все равно сгорит, подожнет! – Редковолосый спешил и нервничал.

Двое исполнителей со стороны двери водителя кинули в салон «Лексуса» смоченные бензином и подожженные тряпки. Напичканный бензиновыми мешочками и напалмом салон мгновенно вспыхнул, как спичка, бушующее пламя быстро охватило «Лексус». Поглядев некоторое время на жуткую картину, редковолосый скомандовал:

– Все, хватит зреть, время не терпит, поехали, – затем сел в машину. Стоявшие рядом быстро последовали за ним.

Черный джип тронулся с места, и тотчас по телефону была дана команда водителю стоявшего повыше на расстоянии одного километра белого «Ауди»:

– Пошел! Все должно быть сделано так, как тебе сказали, ничего лишнего не сболтни!

13 марта, пятница

Сорок две минуты пятого утра

Спускавшийся сверху «Ауди» развернулся по направлению к горящему на обочине белому джипу и ударился в него, и тут же его мотор заглох. Джип лишь слегка сдвинулся, но в обрыв не упал. Водитель растерялся, заводить мотор он уже не успевал, да и не было возможности, в салоне у него задымило, похоже, у самого бампер начал гореть. Ничего не поделаешь, пришлось выскочить из машины, задание не выполнено. Трясущей рукой взял мобильник и позвонил:

– Это я, джип устоял, а у меня мотор заглох после столкновения.

Услышав это, уезжающие вниз остановились.

– Что он сказал? «Лексус» удержался?

– Да, устоял, говорит, у «Ауди» мотор заглох.

– Скажи ему, чтобы пешком спускался вниз. А ты жди его здесь и заберешь у него сотку, а тот должен пойти в гостиницу и оттуда позвонить в милицию. Быстро вернись! – выпустил редковолосый одного поделщика из машины и приказал водителю: – Поехали, быстрее!

Редковолосый призадумался: от чего «Лексус» не упал в обрыв? Теперь получается, что версия о ДТП, в результате которого белый джип сорвался в пропасть, не сработала. Что-нибудь другое на том месте сделать уже нельзя. Остается придерживаться первоначальной версии, только с небольшой поправкой, что будто бы две машины столкнулись и обе загорелись. Но как ответить на вопрос: как так получилось, что пассажиры «Лексуса» мгновенно и заживо сгорели, а водитель «Ауди» остался целехоньким? Вот если бы машины упали в обрыв, тогда все внутри салона джипа смешалось бы, и невозможно было бы установить, кто из пассажиров где сидел перед ДТП. Или другой вопрос: как водитель в момент столкновения оказался не на своем месте, а на заднем сидении? Понадеялись и усадили тело водителя не на свое место. Если криминалисты хорошенько покопаются, то смогут установить наличие в салоне целлофановых мешочков с бензином и следы специально приготовленного напалма.

Редковолосый ругал и честил на чем свет стоит водителя «Ауди» за то, что «Лексус» удержался у пропасти и не упал под откос. Был бы тот рядом, пристрелил бы его. Но есть еще и другая, запасная легенда, согласно которой водитель всю вину за ДТП возьмет на себя, и дело на этом будет закрыто. Этот идиот пока нужен живой, хотя бы до окончания следствия и суда.

Что касается того, почему «Лексус» не упал в обрыв, удержался, то здесь сработали законы динамики и физики. Вот исходные данные: «Лексус» весит три тонны, «Ауди» – чуть более тонны. Далее. Для того чтобы сдвинуть с места огромный джип, да еще с тремя телами убитых в салоне, маленькому и юркому «Ауди» пришлось бы разогнаться издалека и врезаться в джип на большой скорости. В том месте, где разыгрывался спектакль, разогнать легковушку больше, чем на 60 километров в час невозможно по любому, путь короткий и дорога плохая. К тому же «Ауди» была подержанная,

старая. Вдобавок ко всему, «Лексус» поставили не на самом краю откоса, а на специально приготовленной ровной площадке чуть поодаль от трассы. «Ауди» по идее должна была на большой скорости резко повернуть налево и ударить джип. Но как та могла развить большую скорость и еще не потерять ее на повороте? Ведь на повороте скорость поневоле снизится до 40-50 км в час, огромный «Лексус» едва шелонулся бы. Куда было торопившемуся замести следы кровавого злодеяния редковолосому до таких, простых даже для айльного водителя, истин. Умом мясника тот подумал, что достаточно легковушке ударить в стоящий на ровной площадке тяжелый джип, как тот вмиг полетит в обрыв. Если бы пошевелил мозгами, мог бы тяжелый самосвал пригнать. А теперь придется держать ответ перед шефом. Что он ему скажет?

Черный джип «Тойота» вновь вернулся во двор и остановился. Это было совсем недалеко от места, где в это время горел «Лексус». Редковолосый, выйдя из машины, сразу скандовал:

– Поживее шевелитесь, очистите подвал от крови и следов «спецоперации»! – Затем позвонил оставшемуся наверху на дороге:

– Алло, как там у тебя?

– Все в порядке, его телефон я забрал, он сейчас зашел в сторожу санатория.

– Тогда быстро назад, сюда.

Редковолосый, нервничая, набрал в грудь побольше воздуха и вновь позвонил:

– Алло, Жакен-ака, это я. Все в порядке, сейчас позвонят в милицию и сообщат ей нашу версию. Но возникла заминка...

Жакен в это время, так и не зайдя домой, остановился у знакомого кафе, где его в течение всей ночи ждали трое давних друзей. Он подсел к ним:

– Что за заминка, если что, головой ответишь, ты это знаешь?

– Знаю, Жакен-ака, готов ответить. Этот джип не упал в обрыв, а остался наверху, «Ауди» прилип к нему, так и остался, прилепившись, силенок не хватило, и мотор заглох.

– А водитель?

– Он живой, сейчас стоит у сторожей, насчет него не беспокойтесь... Меня волнует грядущая проверка криминалистов, какое заключение те сделают? Наша версия может и не пройти...

– Пройдет, я скажу министру, насчет этого не бойся, займись теми ребятами, убери их, чтобы ничего наружу не проскочило.

– Рахмат, насчет ребят не беспокойтесь, Жакен-ака, о них я сам позабочусь, они больше никогда не заговорят.

Жакен спрятал телефон в карман и, обратившись к сотрапезникам в кафе, коротко сказал им:

– Садырбеков попал в аварию, машина его сторела, вот такие дела.

Затем попрощался с ними и вышел. Время было без десяти пять утра. По дороге позвонил министру внутренних дел и дал ему задание строго придерживаться версии автоаварии. В заключении сказал: «С президентом вопрос решу я сам, не беспокойся».

13 марта, пятница

Четыре часа пятьдесят минут утра

Редковолосый, покуривая, ходил по двору. Хотя с виду было незаметно, однако в душе у того творилось нечто ужасное, и от того тело мелко дрожало, как осиновый лист, лоб взмок от пота. Последний этап начатого вчера ночью дела для него выдался слишком тяжелым. Ему предстоит лишить жизни шестерых парней, с которыми в течение двух лет он прошел огонь и воду. Ничего не поделаешь, таков приказ Жакена Самиевича. Он сказал: Садырбеков – непростая фигура, малейшая утечка может взорвать ситуацию, к тому же у него большие связи с той стороной, особо опасен генерал Тайнурин, который при желании раздавит нас, как тараканов. Перед ним мы жалкие существа, посему никакой утечки допустить нельзя, надо замести все следы.

Редковолосый бросил недокурную сигарету и крикнул в сторону дома:

– Ребята, закончили?

– Да, закончили.

– А теперь соберитесь на кухне, хочу выразить вам благодарность шефа.

Спозаранку замаявшиеся от долгой ночной езды и еще не отошедшие от стресса в результате творимого злодеяния, парни устало приплелись на кухню и расселись вокруг стола. На столе были тандырные лепешки, помидоры и огурцы, 200-граммовые фужеры для сока. Зашел редковолосый с двумя бутылками водки в руках.

– Ребята, спасибо вам за службу, Жакен-ака вам премного благодарен. С сегодняшнего дня вам предоставляется трехдневный отдых, затем снова за работу. Вот вам приказ генерала: выпить по сто пятьдесят наркомовских за победу над злейшим врагом, дальше здесь же оттянетесь до вечера, только без девочек, сами понимаете; будет шашлык, бешмармак приготовим...

Парни хотели было помочь разлить водку, но редковолосый собственноручно налил в шесть стаканов ровно по сто пятьдесят на брата. Затем скомандовал:

– Ну, ребятки, стоя, по команде и залпом. Кто не выпьет или отстанет, то у того душа черная, а сам он подлец, есть такие?

Растроганные высокой генеральской благодарностью, будущие покойники загалдели:

– Нет, что вы, товарищ командир, таких нет, вы же нас знаете.

Здоровые парни, ставшие исполнителями жесточайшего преступления, держа в руках стаканы, не ведали, что через мгновение сами пойдут вслед за своими жертвами. Четверо из них – бывшие подельники Рысбека, их называли «торпедами». Сколько таких погибло после того, когда Рысбека неожиданно застрелили: их было не меньше 50-60, одних прикончили на улице, в машине, других – дома, третьих – в кафе, много крови пролилось тогда. В те апокалипсические для рысбековских дни редковолосый нашел этих четверых, затравленно забившихся в одном доме и напуганных, предложил им вместе поработать. Себя назвал другом покойного Рысбека, и сказал, что хочет им помочь. Действительно, этого редковолосого часто видели вместе с Рысбеком. Те согласились на предложение, деваться было некуда, таким образом, они тогда спаслись и избавились от прессинга противостоявшей ОПГ. Остальные двое прослужили в армейском спецназе «Скорпион», после остались не у дел. Редко-

волосый их отыскал по личным анкетам и предложил еще послужить, и вот уже год, как те верой и правдой служат ему. Каких только заданий эти шестеро не выполняли, грех жаловаться на них, скольких переломали, скольких отправили в мир иной! Ничего и никого не боялись: у них были удостоверения сотрудников президентской Службы охраны, они всегда носили при себе оружие, ездили на джипах, в карманах – достаточные суммы денег. Никто не имел права останавливать их, такие у них были документы. Сегодня эта великолепная шестерка не подозревала, что своими руками в стаканах держит собственную смерть.

– Ну, взяли, залпом, пли! – взмахнул рукой редковолосый, будто давал команду орудийному расчету.

Через некоторое время в кухне валялись шесть трупов. Он осмотрел их в последний раз, вышел из дома и сказал своему водителю:

– Ты не беспокойся, мы же свои. А эти ненадежные были. Сними с них одежды и сожги. Тела упакуй в большие пластиковые мешки, отнесешь в сарай и там оставь, вечером заберут. Дай ключ от машины, сам поеду, следи за двориком, никого не впускай, – приказал редковолосый, сел в черный джип «Тойота» и выехал. За ним со скрипом закрылись ворота...

13 марта, пятница

Четыре часа пятьдесят пять минут утра

Когда раздался звонок Жакена, министр внутренних дел Конгкаргаев спал. Поговорив, он начал ходить по дому. Мысли, одна тревожней другой, овладели им. В прошлом году он едва сохранил должность после организованной им на шумевшей посылки Садырбекову с человеческим ухом и пальцем. Общество долго будоражило от этой дикой, средневековой затеи. Когда милиционеры выгружали в поле тело с отрезанным ухом и пальцем, кто-то из местных жителей это увидел и запомнил номера машины. После огласки случившегося сам министр приказал арестовать выполнивших задание двух милиционеров, а те начали давать показания. Если бы дело продвинулось чуточку дальше, оно бы привело к нему, Конгкаргаеву, и ему бы несдобровать. Он лишился бы кресла начальника столичного ГУВД, а затем пришлось

бы еще взять все на себя, и сидел бы он в тюрьме. Аллах спас его тогда. Он вынужден был бы давать показания против самого Жакена. В этом случае Конгкаргаева придушили бы или повесили в камере. Но, к счастью, Жакен проявил завидную решительность, зашел к братану-президенту, добился снятия министра внутренних дел, а на его место назначил Конгкаргаева. Таким образом, представилась возможность закрыть дело, отнесших Садырбекову посылку людей сняли с работы, а материалы следствия уничтожили. Впоследствии один из милиционеров-исполнителей погиб в автомобильной аварии, у другого случился сердечный приступ, после чего тот умер в больнице, третий стал душевнобольным и до сих пор лечится в известном заведении, а последний бесследно пропал. Видать, не судьба была им. Они сами выбрали такую участь.

Прохаживающегося по дому Конгкаргаева обуял животный страх – от сложившейся ситуации. Огромная, невиданная до сих пор опасность угрожала ему. Сомнений не было, это Садырбеков горел в машине у Кой-Таша. Стало ясно, что эти никого не пощадят, раз таким способом уничтожают самого Садырбекова. А уж кокнуть его, Конгкаргаева – дело плевое. Свалят на криминал, найдут того, кто дело на себя возьмет и явится с повинной. Тот годик отсидит и вновь выйдет на свободу. Схема, до боли знакомая ему как министру внутренних дел. Сам ею не единожды пользовался.

Взяв себя в руки, Конгкаргаев напрямую связался с начальником РОВД и попросил доложить обстановку. Тот сообщил, что к ним поступило сообщение о возгорании столкнувшихся двух машин, туда выехала оперативно-следственная группа, но точных данных пока не поступило. Конгкаргаев коротко приказал:

– Передай старшему группы: от меня поедет человек, и чтобы всё делали согласно его указаниям, и без самодеятельности!

Затем чуточку призадумался и позвонил старшему сыну президента, который в качестве заместителя службы национальной безопасности курировал правоохранительные органы.

– Алло, это я, генерал Конгкаргаев. Вы ближайшее время с Жакеном Самиевичем разговаривали?

– Здравствуйте, пока нет. А что так рано, что-то случилось?

– Стучилось ужасное ЧП. По дороге в санаторий «Теплые ключи» машина Садырбекова попала в аварию, сам он погиб, рядом находились еще один человек и водитель.

– Это точно? Мои ребята мне ничего не сообщили. А какое отношение к этому имеет Жакен Самиевич?

– Это не телефонный разговор, нам надо срочно встретиться.

– Хорошо, через сорок минут буду у вас.

Сердце Конга (так прозвали министра внутренних дел) упало от чувства тяжести за содеянное. Садырбеков – не простая фигура в политике. Утром у горящих машин уже будет толпа журналистов, подъедут и депутаты, всем хочется все увидеть собственными глазами. И все они люди грамотные, способные сделать собственные выводы. Не дай Бог, общественность зашумит, удастся ли тогда выкрутиться с помощью придуманной Жакеном версии автоаварии? Терзаемый этими мыслями, он позвонил по телефону надежному сотруднику, попросил его заехать к нему домой, сам побрился, надел генеральский мундир и приготовился идти на службу.

13 марта, пятница

Тридцать пять минут шестого утра

Кабинет заместителя председателя Службы национальной безопасности. Старший сын президента полковник Кибаев и министр внутренних дел Конгкаргаев разговаривали с глазу на глаз.

– Вам об этом сообщил сам Жакен Самиевич?

– Да.

– Когда?

– Он мне позвонил в четыре часа пятьдесят минут утра и сообщил.

– Значит, взял-таки инициативу в свои руки. Но каковы будут теперь последствия, об этом он думал? Будет международный скандал, оппозиция дремать не станет, как тогда удержим ситуацию под контролем? Сколько говорил отцу прекратить «колхоз» братьев, но не слушает, боится их. Их

мырковские проделки позорят всех нас, те лишь о собственном животе думают.

Конгкаргаев промолчал. Делал вид, что ждет указания и смотрел на президентского сына. Здесь опасно проявить какую-то инициативу. Сколько человек пострадало и лишилось должностей из-за «скандалов в благородном семействе», разборок между братьями и сыновьями Кибаева. Молчавший полковник Кибаев через некоторое время произнес:

– Какие у вас намерения?

– Надежный оперативник ждет, надо бы его туда направить и взять ситуацию под контроль.

– Хорошо, пусть будет так. Как бы там не было, ситуацию из-под контроля упускать нельзя. Я поговорю с отцом и Вадимом, поразузнаю, что у них на уме. Но что было, то было, теперь в общих интересах надо закрыть это дело и по возможности без скандала. Мы же не можем указать на Жакена Самиевича, мол, все это его рук дело. Вы по своим каналам берите под наблюдение все связи Садырбекова, кто с кем общается, о чем говорят. Тут все важно. Ладно, идите.

Сразу же после выхода из «конторы» Конгкаргаев дал задание ждавшему у машины оперативнику и отправил того на место, где догорал «Лексус». «Дополнительное задание получишь на месте, возьмешь следствие под свой контроль», – сказал ему министр и поехал в министерство. По дороге думал над тем, что от Кибаевых ничего хорошего ждать не приходится, его тоже могут уничтожить, и каким же образом обеспечить гарантии собственной безопасности? Даже промелькнула шальная мысль о том, чтобы собрать весь компромат на Кибаевых, показать его Жакену и припугнуть, что может дать этому огласку, если возникнет какая-нибудь угроза для него. Но тут же он отогнал эту мысль и испугался. Поскольку не было органа, который смог бы рассмотреть этот компромат и справедливо решить дело. Законным считалось все, что Кибаевы скажут и попросят, а все остальное – незаконным. Тот же Шрек, генпрокурор, к примеру, может сделать заключение, что в его компромате законных оснований для возбуждения дела нет. Для него ничего не стоит назвать белое черным, а черное – белым. Внешность генпрокурора Жулубалдиева очень напоминала внешность известного героя детского мультсериала, потому-то его и

прозвали Шреком. Но характером он был совсем не похож на героя мультика, у настоящего Шрека внешность хотя и неприятная была, но в душе он был незлобивым, щедрым и добрым, а Жулубалдиев – настоящий злодей. Если вдруг завтра власть поменяется, он не только может сохранить свою должность, но и без раздумий приговорит всех Кибаяевых к смертной казни. Погруженный в такие невеселые мысли, министр не заметил, как переступил порог собственного кабинета. Себя он чувствовал заложником.

13 марта, пятница

Шесть часов тридцать минут утра

Двое сыновей спешно приехали в резиденцию президента. Лица их были хмурые. Президент их встретил в средней приемной в спортивном костюме. По привычке приобнял детей и спросил, почему те так рано приехали.

– Когда приструнишь своих братьев-чурок? Несмотря на наше предупреждение, отдал Жакену службу госохраны, и вот результат: он создал собственное ханство, никого не слушает, творит, что ему вздумается, – сразу налетел Вадим на отца. Президент по привычке выпучил глаза, развел руками и сделал недовольное лицо. Тут встрял старший сын, полковник Кибаяев:

– Папа, случилось непоправимое, от чего круто изменится политическое положение в стране. Жакен Самиевич сегодня ночью уничтожил Садырбекова, да с такой жестокостью – и сжег его.

– Как?! – президент оторопел от неожиданности, его колени задрожали, холодный пот проступил на лбу. – Какое он имел право так поступить? – рукавом куртки спортивного костюма он вытер пот со лба, по привычке несколько раз облизнул языком губы, во рту у него пересохло. Затем повел по очереди обоими плечами и плюхнулся в кресло.

– Ты же сам дал ему такие неограниченные полномочия. Теперь вооруженных людей в его подчинении намного больше, чем у меня. У них крыша сильная, в руках неотразимые документы охранников президента. Так те, обнаглев, иногда и моих ребят избивают, кого хотят, арестовывают, застреливают. Отдав брату неограниченную власть, ты превратил его в монстра, он стал какой-то Кинг-Конг. Не слу-

шаешь меня! – в сердцах Вадим выговорил отцу все, что думал о Жакене.

– Папа, последствия этого ЧП могут быть весьма плачевными для нас, мы можем потерять контроль над политической ситуацией. Только что мне доложили, что Садырбеков вчера в Алматы встречался с генералом Тайнуриным. Вы хорошо знаете, тот встречаться по пустякам и с кем попало не станет, у него большие связи и влияние в Америке, Европе. Вы должны сейчас же пригласить Жакен-ака и потребовать от него прекратить самодурство, нам надо скоординировать усилия, иначе дела плохи. – Старший сын президента как один из руководителей спецслужб, во всей наготе представил отцу-президенту всю сложность ситуации.

А президент никак не мог прийти в себя. Ему почудилось, что мощная волна всенародного возмущения, сметая все на пути, уже приближается к нему. В глазах живо предстали события 24 марта, он подумал об участии беглого предшественника, себя тоже представил в его шкуре, и от этого весь съежился и вздрогнул. Затем, видимо, внутренне приняв какое-то решение, более спокойным тоном произнес:

– Ребята, надо отречься от власти, пока совсем не поздно, к черту она, эта власть, мы слишком далеко зашли, того, что мы сейчас имеем, вполне хватит на дальнейшую безбедную жизнь, – и жалобно поглядел на детей.

– Ты в своем ли уме, папа, думаешь, как захотим, можем спокойно уйти? Во-первых, перед теми (указав в сторону запада) у нас есть определенные обязательства, они не позволяют нам за милую душу уехать в другую страну и жить-поживать. Какаевых хоть Россия поддержала, приютила у себя. Нас никто поддерживать не станет, повесят на первом же столбе за ноги. Мы полностью еще не решили насчет обещанных им энергетических богатств. Вы хорошо знаете их, от них не убежишь, в любой точке планеты достанут. Мы должны отвечать за свои слова перед ними, папа. Во-вторых, думаешь, твои родичи-мырки просто так нас не оставят. Те, кто сейчас к нам подлизывается, завтра же повернутся спиной и начнут нас поливать грязью, мол, Кибаевы были такие-растакые. Как их затыкать будем? Пока власть у нас, те молчат, а как она уйдет, те, как шакалы, первыми на нас нападут. Ты их повадки знаешь лучше нас, такие

твои кыргызы. Так что, батя, назад пути нет, мы должны хоть море крови пролить, но власть надо сохранить любой ценой. Только одна у нас осталась дорога – полный вперед!

Такая смелость и решимость младшего сына не успокоила президента, наоборот, у того сильнее затряслись ноги и руки, воля покинула его, и холодный, липкий пот потек вниз, по спине. Он по-настоящему был напуган, и никак не мог представить себе, как выправить ситуацию. Увидев подавленность отца, старший сын-полковник попытался успокоить его и приструнить:

– Пап, возьми себя в руки. Действительно, назад пути нет. Сейчас министр Конгкаргаев взял ситуацию на месте происшествия под свой контроль и старается держать все в нужном русле. Жакен-ака дал ему такое задание. Наши ребята взяли под наблюдение всех, кто был связан с Садырбековым, каждый находится под неусыпным контролем. Если кто из них вздумает дернуться или сделать попытку повлиять на общественное мнение, мы постараемся их изолировать от общества и применить к ним меры воздействия. Еще рано говорить о полном контроле над ситуацией, но определенная готовность у нас есть, нельзя вот так поднять лапки и сдаваться. Возьмите себя в руки, папа.

– Нет, сынки, я понимаю, вы молоды, у вас полно сил и энергии. Но вам надо понять, что мы слишком далеко зашли, как бы потом не вспомнили мои слова, уйдем, пока не поздно. Я не хочу назваться президентом, у которого рука по локоть в крови. И так чересчур многое допустил, слушая вас. Жакен тоже не слушается, противится вам, говорит, чтобы я детей, то есть вас, приструнил. Значит, так: я, сославшись на здоровье, будто бы поеду в Германию лечиться, лягу в больницу и там сделаю заявление об отставке, там и останусь. Чую, что добром все это не кончится. Вот и сейчас, чем мы объясним смерть Садырбекова?

Услышав эти слова отца, младший сын Вадим задрожал от гнева. Затем быстро подошел к нему и двумя руками схватил отца за ворот спортивного костюма, приподнял его. У президента глаза чуть не выкатились на лоб:

– Вадим, что ты делаешь, отпусти меня. Я же отец тебе! Как так можно...

– Папа, последний раз тебя предупреждаю, прекрати строить эти свои идиотские планы. Я предоставленный мне судьбой исторический шанс просто так не упущу, если им сейчас не воспользуемся, то другого шанса больше не будет никогда. Ты что, хочешь, чтобы твои внуки потом попрошайничали? Самое большее, человек десять-пятнадцать дернется, их легко успокоить и уничтожить. Главное, ты должен спокойно сидеть на месте, остальное – уже наше дело.

Стоявший до этого поодаль старший сын подошел к Вадиму, и, отведя его руки от отцовской куртки, сказал:

– Отпусти папу, Вадим. Если не как отца, уважь его хотя бы как президента. Пап, вы тоже возьмите, наконец, себя в руки. Мы пока еще не знаем реакцию народа, зачем заранее паниковать? Говорю же вам, ребята работают, через час получим точную информацию. Вадима тоже правильно поймите, там те тоже нас просто так не оставят, – кивнул подбородком наверх. – Это огромные деньги, соответственно и ответственность на нас лежит большая. Бог не сдаст, свинья не съест, народ тоже нас живьем не зажарит, самое большее, через лет пять-шесть об этом забудут. А вот те, – вновь указав наверх и в сторону запада, – действительно нас живыми не оставят, и вы это хорошо понимаете. Вы же сами обещали им, что выполните все их условия, лишь бы Вадима не трогали, забыли?

Освободившись от душащих рук младшего, президент сел на диван, взял со столика графин, налил себе полный стакан воды и выпил до дна. Руки его дрожали, холодный пот по-прежнему прошибал его. Мысли смешались, перед глазами неотступно стоял образ слегка улыбающегося Садырбекова.

– Думаете, не помню обещания и ответственность перед теми? Да, они чуть что – пугают тем, что поднимут дела Вадима. Но и здесь, как видите, дела аховые. Чем дальше в лес, тем больше дров наломали. Мне постоянно снятся Баяман и Рысбек, спать не дают. Меня тоже поймите, долго так не протяну, я ведь тоже не железный...

Сидевший в кресле Вадим коброй взметнулся, у него задрожали руки:

– Папа, кончай пороть чепуху! Еще раз такие слова, и госпереворот сделаю я сам! Хоть сейчас!

– Что, убьешь меня? Думай, что говоришь! Государство тебе не игрушка, пойми ты это...

Старший сын-полковник встал между ними, раскинул руки и приостановил Вадима:

– Да садитесь вы! Вадим, сядь на место! Папа, что ты заранее паникуешь? Пока нет оснований для этого! Оставьте эмоции при себе! Речь идет о судьбе нашей семьи, понимаете ли вы этого?

Вадим вновь сел на свое место. Президент залпом сразу выпил два стакана воды и на мгновение замолчал. Затем посмотрел на ходивших по комнате старшего и младшего сыновей. Оба рослые, здоровые. Сам при надобности не переставал хвастать и гордиться тем, что дети росли породистыми и красивыми по той причине, что жена у него русская, и оттого те со всех сторон развитые, умные. Сейчас эти два сына-красавца рвутся решать и вершать государственные дела, проскочив вперед батьки. Думая об этом, у него в то же время проснулось чувство гордости за своих отпрысков, вот такие они у него самостоятельные, вполне созревшие для важных дел. От смешанных, одновременно переполнявших отцовских чувств гордости и жалости за смертельно опасное, зависящее от внешних сил будущее своих отпрысков, он прослезился, затем тихо всплакнул, не стесняясь своих слез, которые его душили. Вытирал непрошенные слезы и текущие сопли он рукавом спортивного трико. Дети молчали. В конце концов, отец будто бы убедился в правоте сыновей, в том, что путь назад намного опасней дальнейшего продолжения кровавой стези. Перед ним предстали смотрящие на него свысока мерзкие, кругленькие и слегка выпученные в полуулыбке глаза Терезовского. Это были глаза беспощадного в своей устремленности к достижению любой цели, бездушного, коварнейшего и могущественного человека. У Кибаева сердце похолодело от этих глаз.словно черный, с белой отметиной на спине большой паук, Терезовский своей паутиной опутал почти весь мир, и выпутаться из его паутин было невозможно, все выведенные Кибаевыми за бугор деньги находились под его контролем – захочет, в одночасье превратит их в нищих. От него можно избавиться, лишь отдав ему всю энергетику страны. Теперь важно было любой ценой продлить срок президентства еще на один срок,

тогда можно будет выполнить свои обязательства перед ним и благополучно устроить будущее. Дальше хоть трава не расти. Садырбеков сам виноват, сам себе рыл могилу, зачем упрявился, но что бы там не было, пусть земля ему будет пухом. Президент, опершись на колени, встал с кресла и сказал детям:

– Ребята, зовите своего Жакен-ака, поговорим.

Через четверть часа у него уже сидели брат Жакен с министром внутренних дел Конгкаргаевым. Жакен намеренно не стал звонить братану-президенту. Понимал, что тот и без него через Конгкаргаева все узнает, будет шумно разбираться с чужекровными отпрысками. Но, тем не менее, когда старший сын ему позвонил и попросил срочно заехать в резиденцию, у него возникло некоторое замешательство. Подумал, возможно, пригласят и арестуют его. Из-за опасений он на всякий случай, воспользовавшись своим положением главы президентской охраны, приказал без его дополнительной команды никого чужого к резиденции не подпускать, отправил туда полсотни самых надежных головорезов с указанием стоять у ворот и ждать его. Затем взял с собой министра внутренних дел Конгкаргаева в свою машину и поехал вверх, в резиденцию.

Там, втайне от всех остальных, в присутствии президента, двоих его детей, брата Жакена и министра внутренних дел состоялось закрытое совещание пятерки. На нем обсудили создавшееся положение, наметили планы выхода из него, и решили, что при объяснении о ЧП будут полностью и строго придерживаться версии автомобильной аварии, причем каждый взял на себя обязательство насаждать по своим каналам всеми мерами именно эту версию.

13 марта, пятница

Пятнадцать минут девятого утра

Президент сегодня на работу вышел раньше обычного. Сразу велел позвать к себе руководителя своей администрации Арданияева и секретаря Совбеза Хамадаева. Затем в подробностях сообщил им о предрассветном ЧП с автоаварией в Аламудунском ущелье, в котором погибли экс-глава президентской администрации Медер Чомоевич Садырбеков и находившийся с ним в машине бывший директор института

стратегических исследований Сергей Степанович Слепко. Попросил собеседников проследить за нежелательными инсинуациями вокруг этой трагедии, для чего надо организовать работу с общественностью, особо проследить за тем, чтобы СМИ правильно освещали происшествие. Еще до разговора с президентом Арданиев и Хамадаев из своих источниками узнали разные версии случившегося, знали, как и в каком направлении ведутся оперативно-следственные действия на месте ЧП. Сейчас эти двое внимательно слушали президента и неотрывно следили за каждым его движением и жестом. И заметили, что президент необычно взволнован, голос его звучал непривычно, глаза пуще прежнего лупились, он чаще облизывал губы. Старался не выдать дрожания рук, для чего без конца вертел авторучку. Они ожидали, что президент с ним поговорит начистоту, без тумана. Но шеф говорил заученно, как будто слова не раз отрепетировал так, чтобы не оставлять ни малейшего шанса для иного толкования ЧП. Вновь и вновь повторял и нажимал на версию о трагической автокатастрофе. В заключении, когда те встали и собрались покинуть кабинет, он встал со своего места и сказал:

– Данное ЧП могло случиться с каждым, и на месте Садырбекова вполне могли оказаться вы.

Услышав эти слова, те вздрогнули. Затем поспешили быстрее покинуть кабинет президента.

Проводив подчиненных, президент зашел в свои покои, располагавшиеся за кабинетом, налил полный стакан коньяку и выпил до дна. До конца дня он никуда не выходил, по привычке закрылся и ждал, как будут развиваться дальше события. Он серьезно струсил. И в следующие дни пил, зло пил, без перерыва, прячась от опасности.

13 марта, пятница

Половина девятого утра

Выйдя из кабинета президента, Арданиев с Хамадаевым молча прошли в кабинет первого и сразу же перешли в комнату отдыха.

– Возьмем, что ль, по сто граммов?

– То же самое думал и я.

Как хозяин кабинета Арданиев налил два стакана, открыв холодильник, достал оттуда тарелку с нарезанными кусками мяса и поставил на стол.

– Давай, молча опрокинем.

– Давай.

– Еще по одной?

– Не возражаю. Медер ведь в этом кабинете сидел, за упокой души его.

Выпив и закусив, оба долго молчали. В их ушах звенели только что услышанные от президента слова: «...на месте Садырбекова вполне могли оказаться вы...» Даже идиоту ясно, что сие было зловещее предупреждение всем, кто смеет иметь иное мнение.

Вдруг Арданиев заговорил:

– Он прав, да, на месте Садырбекова могли оказаться и мы. Эти никого не пощадят, и мы это хорошо знаем. Но что мы можем сделать? – Он ожидающе посмотрел на Хамадаева. Тот, словно угадав его мысли, ответил:

– Ничего не поделаешь, перед ними мы – вшинки, вот ты – руководитель президентской администрации, я – секретарь Совбеза с усиленными полномочиями. Вроде бы звучит, но что мы сами можем решить? Ни на что и на кого повлиять не можем, лишь в бумагах тонем. Хорошо еще, что года два назад успели чего-то пригрести, что-то на руках имеем, на хлеб с маслом хватает. Но сейчас вся власть у Жакена и Вадима, чуть что, вынуждены идти им на поклон, выпрашивать, добиваться. Даже сам президент без них ничего не решает, всего лишь делает вид, что самостоятелен.

Не успел Хамадаев закрыть рот, как в кабинет медвежьей походкой ввалился советник президента Кусен Кыдыкович:

– Салам алейкум, батыры, как вы, что думаем?

– Алейкума ас-салам, Кусен-ака, пройдите, – сказал Арданиев и поспешил встать и выйти навстречу.

– Нет, сидите, сидите, ребятки. Что-то вы сегодня рано начали?

– Таковы обстоятельства. Вы, наверное, в курсе, Кусен-ака?

Кусен Кыдыкович погрузил дряхлеющее тело в мягкий диван.

– В курсе, конечно. То, что Садырбеков уничтожен, с одной стороны нам выгодно, мы ведь с вами еще с начала года ломали голову над тем, как его устранить, верно? Однако, ребята, последствия этого происшествия ничего хорошего нам не сулят. Мы перешли все грани. Нарушили внутренние негласные законы политического соперничества. К тому же, нынче дела перестали решаться, как раньше, на митингах и другими политическими методами, все решают несколько бандитов.

Хамадаев усталился на Кусена Кыдыковича и спросил:

– Смогли поговорить с Жакен-ака?

Ему вторил Арданиев:

– Кусен Кыдыкович, пусть с другими хоть что будет, но как нам спасти собственные головы? Мы ведь с вами много чего знаем, думаете, если что, те нас оставят в покое? Где гарантии того, что и нас не постигнет участь Садырбекова? Вот, только что сам предостерег нас. – Арданиев пальцем указал выше, в сторону северо-восточного угла Белого дома.

– Нет, с Жакеном связаться не мог. Вы правы, ситуация очень сложная и тяжелая для нас. Мое положение тоже учтите, как раньше, бодаться напрямую с ними не могу. А то, пригодилась бы одна лишь «спецоперация» постоянно поднимаемого вами же на смех отряда моих баб особого назначения, чтобы снять все проблемы. Как знаете, меня связали делом моего сына. Пришили ему ЧП со сгоревшим на летном поле «кукурузником», копают под ушедшие налево аэропортовские деньги и еще много чего раскопали, уже наготове материалы для передачи в суды, так что, поймите правильно, чуть что, его мигом посадят. И если затолкнут сынишку туда, в подвал, там его быстро сломают, их методы вам хорошо известны. Не хочу в таком преклонном возрасте увидеть страдания сынишки... – Вспомнив отпрыска, работавшего начальником главного и весьма доходного аэропорта страны, Кусен Кыдыкович тяжело вздохнул и замолк, уставившись в пол.

– Кусен-ака, все же вы опытный и всезнающий. Надо же что-то делать, не годится вот так сидеть сложа руки и ждать у моря погоды... – Хамадаев встал и начал ходить по комнате. Кусен Кыдыкович, кряхтя поднялся с дивана, подошел к окну, немножко постоял, глядя на улицу, и заговорил:

– Если честно, этих надо отстранять. Пока не поздно и время еще есть. Думаете зря, что ли, я в прошлом году толкнул Исмаила в оппозицию. Но он до конца так и не понял меня, еще и обижается. Но это мелочи, смысл моего действия в том, что он сегодня, слава Богу, один из авторитетных в оппозиции людей. Достаточно его еще немножко подпереть, подтолкнуть – и вот уже готовый лидер нации. Цель в том, чтобы руками оппозиции оттеснить этих от власти, затем в нужный и удобный момент решительными мерами занять ключевые позиции в новой администрации. Думаю, нам выгодно работать в этом ключе, не так ли, ребятки?

– Может, подождем немного, куда спешим? – Арданиев развел руки и по очереди посмотрел на Кусена Кыдыковича и Хамадаева. – Сегодня-завтра приглядимся к ситуации, если она обострится, то придем к единому решению. Сказать честно, я вот так сыт этими, – провел он себе большим пальцем по горлу.

– Хоп, майли, подождать так подождать. А пока пройду по регионам, скрытно повстречаюсь с тамошними авторитетными людьми, на всякий случай подготовлю их. Вы же не упускайте из виду Конга и Шрека, при реальных движениях от них можно ожидать всяких сюрпризов, но, главное, мы втроем должны быть начеку и наготове, – Кусен Кыдыкович встал и вышел.

Оставшиеся двое еще долго и вдоволь хаяли и хулили Кибаяевых, честили их на чем свет стоит за собственные незавидные перспективы, нещадно заливали водкой горе. Но как бы там не было, их переживания и горечь всего лишь эмоции, и ничего реального поделать они не могли, слишком коротки у них руки. Нет у них самостоятельного политического веса, так себе, обычные шестерки в большой политике власти. Все это они и сами прекрасно понимали.

В Белом доме в тот день никаких мероприятий не было. Лишь руководитель Секретариата президента Шаталаева была занята тем, что названивала кому-то и редела по привычке. Скорее всего, она тоже всю тяжесть ситуации облегчала с помощью водки. Ведь не кто иной, как именно МЧС в свое время вывел Шаталаеву в люди, вытащил в депутаты Жогорку Кенеша и далее тянул за собой и в конечном итоге способствовал ее назначению на эту большую должность. В

последовавшие после гибели Садырбекова дни Шаталаева ходила с остекленевшими глазами, ничего и никого не замечая, лишь имитировала преданность Кибаяевым, изображая показную занятость. Скорее всего, кто-то посвятил ее в подробности смерти Садырбекова, и та, наверное, уже была в курсе всего.

В этот день работа приостановилась и в других органах власти. Везде обсуждали только один вопрос – загадочную гибель Садырбекова. То же самое, что было сказано в кабинете Арданияева, говорилось и в кабинетах министров, их заместителей, губернаторов, акимов, в их машинах, семьях. И все они были едины во мнении, что Семья перешагнула все мыслимые черты приличия, а государственная власть свое значение и смысл потеряла окончательно. Вся власть перешла в руки братьев и детей Кибаяевых. В тот день у всех раскрылись глаза на то, что раз с такой жестокостью уничтожили МЧС, то их могут убрать, пальцем задавить как мурашек, стереть в порошок в любой день. Эти чинуши до сих пор борзели, опираясь на свои должности, привыкнув держать нос по ветру в сторону Жакена и Вадима, ловить каждое их слово, падали на колени перед ними, по малейшему жесту властимущей Семьи делали все, что им угодно. И вот настал момент пронзительной и беспощадной истины, когда со всей ясностью поняли, какие они в действительности ничтожества перед могущественной Семьей. Даже премьер-министр по сути ничего сам решить не мог без позволения тех двоих, довольствуясь мелкими поручениями свыше. Такова была реальность кибаяевского режима.

Вот так, 13 марта для чиновников всех уровней, особенно честных сотрудников правоохранительных органов, стал днем просветления и моментом истины. Зверское убийство Садырбекова с особой жестокостью, сжигание дотла его мертвого тела многим раскрыло глаза, породило в их душе гнев и возмущение.

13 марта, пятница Девять часов утра

Кабинет генерала Жакена Самиевича. В экстренно созванном совещании участвовали глава службы нацбезопасности Жуталгыров, генпрокурор Жулубалдиев, министр

внутренних дел Конгкаргаев, заместитель председателя службы нацбезопасности, полковник Кибаев. Слово взял сам Жакен Самиевич:

– Не будем многословны. Сами понимаете, ситуация сложная. Вопрос стоит так: или они, или мы. Вопрос Садырбекова надо было решать, и он решен, и это факт. Президента знаете – он паникует. Если, не дай Бог, сегодня ситуация обострится, неизвестно, как он себя поведет, он ведь малодушный. Исходя из этого, мы, пятеро, должны быть готовы ко всему. Возможно, пойдем на такой вариант, когда в связи с тяжелой болезнью президента, согласно Конституции, временное исполнение его обязанностей будет возложено на спикера Жогорку Кенеша Ташсатарова, а до выборов введем чрезвычайное положение. Этот вариант тоже надо иметь в виду. Но не стоит доводить дело до этого. Сейчас он (Жакен пальцем показал на висящий на стене портрет Кибаева) запил и лежит, вы его хорошо знаете, может быть, пока он нажрется, пройдет день-два, и не заметит, что произошло за это время. Между тем, мы окончательно выправим ситуацию. Выскажите свои предложения, судьба страны сегодня в наших с вами руках.

– Жакен Самиевич, может довериться мне, постоим до конца. Сейчас на месте события работает следственная группа, соответствующие установки им даны. Будем полностью отрабатывать версию автоаварии. Все нежелательные улики будут уничтожены. Дан приказ сразу погрузить машины и привезти их в надежное место, возможно, они уже погружаются. Трупы доставлены в городской морг, ищут родственников покойных. С нашей стороны лишних проблем не будет, – первым подал голос Конгкаргаев, давая знать остальным, что в это дело посвящен раньше всех.

– С утра посовещались, – сказал Жуталгыров, кивнув в сторону полковника Кибаева. – В соответствии с заранее подготовленным списком установлен полный контроль за лидерами оппозиции, по команде мы можем схватить их поодиночке, их телефоны прослушиваются. Также взяты под наблюдение депутаты, получившие мандаты от Садырбекова, прослеживаются их контакты. Еще работаем по его вчерашней встрече в Алматы, пока неизвестно, какие действия оттуда последуют.

– У нас все в порядке, готовы на любые изменения ситуации, – произнес генпрокурор Жулубалдиев. – Создали спецгруппу из надежных ребят.

– Хорошо, настало время, когда мы теперь все за одного и один за всех в ответе. Главное, нельзя выпустить власть из рук. Основное внимание надо уделить народу, если люди восстанут, то остановить их мы не сможем. Тем более всех уничтожить. Поэтому задача сейчас такая: максимально скотить информацию о смерти Садырбекова, по радио и телевидению его фамилия упоминаться не должна, надо вдальблывать одну и ту же версию – произошло ДТП со смертельным исходом, личности погибших устанавливаются и все. Надо максимально тянуть с опубликованием полных сведений о личностях погибших, надо говорить о том, что нужны дополнительные анализы, а для этого нужно время. И еще. Процесс с погребением тел может перерасти в массовые акции протеста, эмоции сейчас по этому поводу сильные. Нам надо эти ближайшие дни удержать ситуацию в руках, дальше все пойдет на убыль, люди успокоятся, у каждого свои дела, жизнь на этом не остановится.

По предложению Жакена Самиевича в тот же час были даны указания МВД, СНБ и Минобороны привести части специального назначения в полную боеготовность, перевести их на казарменный режим. Минздраву дано поручение провести за границей анализы ДНК покойников, Министерство внутренних дел разъяснило, что для подведения итогов технической экспертизы тоже требуется немало времени. Таким образом, были начаты действия для преднамеренного и максимального затягивания времени, чтобы тем самым гасить возможное народное недовольство и возмущение происшедшим. В дело были втянуты подручные газеты, гостелевидение и радио, а также надежные чиновники. Особое внимание уделили близким и друзьям Садырбекова, его соратникам, с ними были проведены профилактические беседы, кого надо – припугнули, кого надо – подкупили, обманом, обещанием госнаград и других благ добились от них нужных обещаний.

В результате такой массивной обработки все, кто раньше, при жизни Садырбекова заверяли его в своей полной лояльности к нему и клялись до конца быть с ним и поддер-

жать, замолчали или разбежались кто куда. «Пока души покойных не успокоятся, живым покоя не будет, и те благодарности Всевышнего не дождутся», – сказано в священном Коране. Таким образом, личная ответственность перед живым образом Садырбекова стало делом личной чести и совести каждого. Такой подлости, продажности, двуличия, трусливости, шкурничества, быстрого забвения его доброго имени, необычной отзывчивости, или же подобного скотского недопонимания лучших черт покойного история видимо, еще не знала. Еще многие по-настоящему переживали, страдали от потери такой яркой и сильной личности, от подлости и клятвопреступления многих бывших друзей Садырбекова, проклинали их. Стало очевидным, что отголоски сего кровавого злодеяния будут отзываться еще долго.

Прошел месяц с того кровавого дня. Перед многоэтажкой поставлена юрта, много было собравшихся на сороковку Садырбекова. Пришедшие выражали сочувствие родным и близким покойного. Руководил поминками его бывший однокурсник, председатель Счетной палаты Абдугаипов. Неожиданно в разгар поминальной церемонии кто-то произнес: «Прощального митинга не будет, будем хоронить по-мусульмански, без шума, таково пожелание членов семьи покойного». Ряд гостей это поддержали, сказав: «Правильно делают, митинга не надо, там будут говорить только властные люди, а прах Садырбекова как бы останется в забвении. Не будут же власти произносить заупокойную, сами же убив человека». Еще некоторые говорили: «Нет, прощальный митинг был нужен. Пусть бы высказали душившие, не дающие покоя родственникам и многим мысли». Других настораживало то обстоятельство, что умер такой видный политический и государственный деятель, как Медет Чомоевич Садырбеков, но почему-то соответствующая правительственная комиссия создана не была, как и не были организованы подобающие личности такого уровня церемонии прощания. Да и прах покойного был предан земле не на Ала-Арчинском кладбище, где положено хоронить тела таких людей, а в обычном сельском погосте в пригородном селе Байтик, что косвенно свидетельствовало об истинном отношении властей к погибшему. Президент Кирбаев, его братья и дети на поминки так и не пришли, видимо совесть все-таки не позво-

лила, духа у них не хватило, чтобы предстать перед образом загубленного ими же человека. По свидетельству людей, пришел лишь премьер-министр в сопровождении нескольких министров и немножко постоял поодаль. К тому же все они были в обычной одежде, надвинули на глаза кепки, и мало кто обратил на них внимание, и тем более узнал в них высокопоставленных чинов.

В 11 часов дня из юрты вынесли носилку с прахом Садырбекова. Молодой мулла, волнуясь, прочел короткую молитву; мало кто разобрал, о чем тот говорил. Перед глазами всех стоял светлый образ Садырбекова, каждый по-своему догадывался, кто его убил, совершив сей тяжкий грех. Была произнесена заупокойная. Молчаливая толпа долго шла за носилками с прахом усопшего. Народу было много, машин вдоль улиц – тоже.

Тело Садырбекова было принесено к скромному кладбищу, расположенному с южной стороны сопки Байтика. Окружившие погост люди молчали. Нет привычной погребальной суеты, внимание всех приковано к могиле. Близкие, за ними все пришедшие после погребения тела сначала кинули в могилу горсти земли, затем начали лопатами засыпать ее землей. Безмолвную тишину нарушил голос стоявшего у изголовья могилы человека простой внешности, с загорелым от ветра и солнца лицом, видимо, из близких Медера. Тот приподнял правую руку и произнес: «Братья, как так можно? Какой человек пошел на такое?». Стоявшие рядом люди окружили его. Тот человек надел калпак получше и начал говорить:

– У кого руки поднялись на такое зверство? Кто Бога не побоялся? Разве такая смерть была уготована моему Медеру? Почему хотя бы тело не оставили, а дотла сожгли? Если бы тело оставалось, жена и дети могли попрощаться с ним. Какая эта бесчеловечность, какое зверство! Что ж, Бог им судья, да постигнет их кара Всевышнего! Пусть высохнут и подохнут те, кто дал приказ убить моего Медера, и род тех, кто исполнял такой приказ, чтобы в обоих мирах те не видели добра, их прах останется не погребенным! Да не отпустит их души кровь безвинно погибшего моего сына! Будьте вы прокляты! Оомийин! – сказав это, человек в калпаке вознес руки к небу, затем совершил молитвенный обряд.

Стоявшие дружно повторили «оомийин!». Проклятия стоявшего у могилы человека со слезами на глазах стали проклятием всем тем, кто совершил бесчеловечный в отношении Медера Садырбекова поступок. У всех в груди стояло проклятие: «Кровь не отпустит! Проклятие достанет!». На кладбище вновь воцарилась тишина, слышны были лишь треск, позвякивание и хруст бьющихся о камни и пробивающихся щебень лопат, и в этом позвякивании тоже чудились четкие слова: «про-кля-тие, про-кля-тие», «к-р-ровь, к-р-р-овь»...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

После смерти Садырбекова жертвой кровавого режима стал другой человек – молодой депутат Санжар Садыралиев, его расстреляли прямо у собственного дома. Пуля вошла в затылок и вышла через лоб. И на этот раз оперативно-следственная версия твердила лишь одну версию – криминальных разборок. Но люди этому не поверили. Поскольку Санжар был депутатом Жогорку Кенеша, к тому же членом возглавляемой Кибаявым политической партии. Каким образом умудрились отнести его смерть к проделкам зверствующих головорезов? Концы с концами не сходятся. Может быть, правду говорят, что нынешние властные депутаты не кто иные, как стремящиеся во что бы то ни стало сохранить свою собственность послушные богачи, или же они сами есть бандиты-головорезы?

Как бы там не было, еще один кыргызский джигит, внесший большой вклад в укрепление власти Кибаява и его родственников, помогавший им накопить огромное достояние, ими же был принесен в очередную жертву. После него остались плачущая и горюющая молодая семья, родители. И призванный следить за правопорядком в стране министр Конгкаргаев, как всегда, без зазрения совести, не моргнув глазом, во всеуслышание заученно, словно заводной попугай, сообщил: «Расстрел депутатов у нас стал делом привычным».

Куда еще поведет обильно политая кровью невинных жертв жуткая дорога? Чья кровь еще прольется на этом скорбном пути?

2009 г.

Эдил КОЖОШИЗИ
КРОВАВЫЙ ПУТЬ или ПИР ГИЕН
Детективный рассказ

Перевод с кыргызского
Садырбека Черикова

Редактор *О. Бондаренко*
Тех. редактор *Б. Абешов*
Компьютерная верстка *М. Матраимов*

Подписано в печать 11.10.2011. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Объем 6,5 физ. печ. л. Тираж 10000 экз.

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе
ОсОО «PRINT EXPRESS»